

Абрахам-Джошуа ХЕШЕЛЬ

ШАББАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Архитектура времени

ЧАСТЬ I.

1. Дворец во времени
2. За гранью цивилизации

ЧАСТЬ II.

3. Великолепие пространства
4. Только небо и больше ничего?
5. "Ты – Один"
6. Присутствие дня

ЧАСТЬ III.

7. Вечность дарует день
8. Интуиция вечности
9. Святость во времени
10. И возжелаешь ты...

Эпилог. Освящение времени.

Примечания.

ПРОЛОГ

АРХИТЕКТУРА ВРЕМЕНИ

Наша техническая цивилизация отражает господство человека над пространством, которое часто достигается за счет принесения в жертву важного компонента нашего бытия - времени. В технической цивилизации мы расходует время, чтобы завоевать пространство. Ибо наша главная цель – расширить свою власть в сфере пространства. Но иметь – не значит быть. Могущество, достигнутое нами в мире пространства, совершенно исчезает на границе времени. Но именно время является основой всего сущего.

Конечно, овладение миром пространства – это одна из наших главных задач. Опасность возникает в тот момент, когда, завоеывая пространство, мы забываем о своих задачах в сфере времени, которая начинается там, где мы стремимся не иметь, а быть, не получать, а давать, не распоряжаться, а щедро делиться, не подавлять, а уступать и жить в гармонии с миром. Жизнь сходит с рельсов, когда нашей единственной целью становится контроль над пространством, приобретение материальных благ в пространстве.

Нет ничего желаннее, чем власть, и нет ничего страшнее. Прежде мы часто страдали от нищеты и бессилия перед природной стихией – теперь нам грозит духовное вырождение из-за необъятной власти, которую мы сосредоточили в своих руках. Любовь к труду дает человеку счастье; любовь к наживе – лишь мучения. У фонтана прибыли разбивалось множество сердец. Когда человек продает себя в рабство вещам, он превращается в разбитый сосуд.

Техническая цивилизация основана, прежде всего, на стремлении человека подчинить себе силы природы и управлять ими. Производство инструментов, прядильное ремесло и земледелие, строительство домов и мореходство – все это относится к нашему пространственному бытию. Мысли человека постоянно заняты тем, что происходит в окружающем пространстве, и это влияет на всю его деятельность. Даже во многих религиях господствует представление, что божество пребывает в пространстве, в его четко очерченных границах – на горе, в лесу, в дереве или камне. Поэтому эти места объявляются священными. Божество привязано к участку земли; святость ассоциируется с пространственными объектами. Но тогда возникает вопрос: Где бог? Многие

охотно соглашаются, что Б-г находится во вселенной, подразумевая, однако, Его присутствие в пространстве, а не во времени, в природе, а не в истории, как будто Б-г – это вещь, а не дух.

Даже пантеистическая философия представляет собой, по существу, религию пространства: Высшее Существо наделяется свойством пространственной бесконечности. Бог в обличье природы как бы разлит в пространстве. Оно становится его продолжением, его сутью. В таком представлении Б-жественного нет места времени. По мнению Спинозы, время – это всего лишь случайное движение, образ мышления. Он пытался разработать философию "в геометрическом стиле", создать науку пространства, что весьма характерно для его типично пространственного мышления.

Примитивному разуму трудно понять идею без помощи воображения, а его воображение способно раскрыться только в сфере пространства. Рассуждая о богах, такой человек хочет иметь перед собой их зримый образ. Нет образа – нет и бога. Поклонение священному образу, священному монументу или месту – это не просто исконная особенность многих религий. Такая форма поклонения присуща всем народам и эпохам, людям верующим, суеверным и даже атеистам. Все они преклоняют колена перед знаменами и флагами, перед национальными святынями, склоняют головы у памятников и мемориалов, воздвигнутых в честь королей и героев. Повсюду осквернение святыни считается недопустимым кощунством, причем значение некоторых святынь так возрастает, что забывается сама подоплека их появления. Памятник, мемориал превращается в средство подавления памяти; средство обесмысливает цель. Ибо пространственные вещи находятся во власти человека. Святость защищает их от надругательства, но не от эксплуатации. Чтобы сохранить святость, увековечить присутствие бога, надо сформировать его образ. Но бог, которого можно "сформировать" и замкнуть в какие-то границы – это всего лишь тень самого человека.

Мы все очарованы великолепием пространства, грандиозностью наполняющих его предметов. Категория вещей довлеет над нашим сознанием, диктует ход наших мыслей. Человеческое воображение стремится облечь все концепции в зримые образы. В своей повседневной жизни мы занимаемся преимущественно тем, что воспринимают наши органы чувств: тем, что видят глаза и трогают руки. В нашем реальность – это мир вещей, громоздящихся в пространстве; даже Сам Б-г воспринимается многими из нас как...вещь.

Вещизм ослепляет нас, мешает нам видеть реальность, не входящую в категорию вещей. Это особенно часто проявляется в нашем отношении к субстанции времени, которая, будучи "бестелесной" и "не овеществленной", кажется нам совершенно далекой от реальности. (1)

Мы хорошо знаем, что делать с пространством, но не знаем, как обращаться со временем – разве что подчиняем его пространству. Многие из нас трудятся ради приобретения вещей, находящихся в пространстве, и испытывают неистребимый страх перед временем. Мы замираем в ужасе, когда вынуждены заглянуть ему в лицо. (2) Время как будто смеется над нами; оно похоже на скользкое и подлое чудовище, пасть которого изрыгает огонь, непрерывно пожирающий драгоценные минуты нашей жизни. Поэтому, избегая прямого контакта со временем, мы прячемся в убежище пространства и наполняющих его предметов и явлений. Те намерения, которые нам не удастся осуществить, мы откладываем на депонент пространства; предметы, которыми мы владеем, становятся символами наших нереализованных духовных устремлений, зримыми памятниками скрытой неудовлетворенности. Но пространственные вещи не застрахованы от пожара; они лишь подливают масло в огонь. Может ли радость обладания вещами защитить нас от страха перед временем, которое постоянно напоминает нам о неминуемой смерти? Если взглянуть на вещи в увеличительное стекло трезвого анализа, то окажется, что они – всего лишь подделки счастья. Более того, они представляют угрозу для самой нашей жизни. Пространственные вещи-миражи не только не помогают, а наоборот, осложняют жизнь.

Человек не может отмахнуться от проблемы времени. Чем больше мы над ней размышляем, тем глубже понимаем, что нельзя завоевать время через пространство. Временем можно повелевать только через время.

Высшая цель духовной жизни заключается не в накоплении больших объемов информации, а в восприятии моментов святости. Например, в религиозной сфере на человека оказывают влияние не вещи, а присутствие духовности. (3) В душе остается момент откровения, а не место, где произошло это действие и явление. Момент откровения – это огромное богатство, целое состояние; он переносит нас за рамки времени, поддающегося измерению. И наоборот, духовная жизнь начинает умирать, когда мы неспособны воспринять то, что наполняет время величием.

Автор этой книги вовсе не стремится опорочить мир пространства. Любая попытка дискредитации пространства и наполняющих его предметов равносильна клевете на само Творение, на те его материальные

составляющие, которые "увидел Б-г и сказал, что это – хорошо". Мир не может состоять из одних абстракций времени. Время и пространство взаимосвязаны. Тот, кто не замечает одну из этих двух составляющих, слеп на один глаз. Возражение вызывает лишь безоговорочная капитуляция человека перед пространством, его добровольное закабаление миром вещей. Надо помнить, что не вещи наполняют значением мгновение, а, наоборот, мгновение придает смысл этим вещам.

В Торе главное внимание уделяется не пространству, а времени. Она смотрит на мир через призму времени и уделяет больше внимания поколениям, событиям, нежели странам и вещественным объектам; ее интересует не столько география, сколько история. Тора учит нас важной концепции: время играет в человеческой жизни по меньшей мере такое же значение, что и пространство; время обладает собственным значением и своей независимой средой.

В библейском иврите понятию "вещь" нет подходящего эквивалента. Слово "давар", которое в современном иврите приобрело значение вещи, обозначает в святом языке Тора множество других понятий: речь, слово, послание, сообщение, новость, совет, просьба, обещание, решение, предложение, тема, история, поговорка, высказывание, бизнес, занятие, действия, хорошие поступки, события, способ, манера, причина, но не "вещь". Что это – свидетельство лингвистической нищеты или отражение широкого взгляда на мир, стремление не ставить знак равенства между реальностью (от латинского слова "res", вещь) и миром материальных предметов?

Одним из важнейших событий в истории религии стала трансформация сельскохозяйственных празднеств в годовщины исторических событий. В древности праздники тесно переплетались с природными циклами года. Люди отмечали то, что происходило в жизни природы в времена года. Значение того или иного праздника определялось плодами, урожаями, которые природа давала или не давала. В иудаизме Песах был вначале весенним праздником и лишь позже стал годовщиной Исхода из Египта. Шавуот ("Пятидесятница"), древний праздник урожая, который отмечали в конце уборки пшеницы ("хаг а-кацир", Шмот, 23:16, 34:12), приобрел новое значение: в этот день евреи получили Тору у горы Синай. Наконец, Суккот (Праздник кущей), древний фестиваль сбора винограда ("хаг а-асиф", Шмот 23:16), стал напоминанием о странствиях евреев в пустыне и их жизни в хрупких шалашах с кровлей из листьев и ветвей (Ваикра, 23:42 и далее). Для народа Израиля судьбоносные события древней истории играли более важное духовное значение, чем регулярно повторяющиеся природные циклы, хотя именно от них зависело материальное благосостояние людей. В отличие от других народов, чьи божества были связаны с конкретными местами и материальными объектами, Б-г Израиля всегда был Б-гом событий: Он освобождал Свой народ из рабства, даровал им Тору, проявлял Себя в событиях истории, а не в предметах и географических точках. В результате возникла вера в бестелесное и не поддающееся описанию Высшее Существо.

Иудаизм – это религия времени, нацеленная на освящение времени. В отличие от человека, живущего в пространственном измерении, для которого время всегда неизменно, однообразно повторяемо и однородно, а все часы одинаковы и безлики, как пустая скорлупа, Тора тонко чувствует разнообразную сущность времени, различает его многоцветную палитру. В нем нет двух одинаковых часов. Каждый час уникален и единственен в своем роде, исключителен и бесконечно ценен.

Иудаизм учит нас устанавливать связь со святостью во времени, поддерживать контакт со священными событиями, почитать святилища, возникающие из грандиозного потока годового цикла. Наши величайшие соборы – Субботы. А наша главная нерукотворная святыня, Святая Святых – День Искупления, Йом-Кипур – уцелела во всех испытаниях. Ее не смогли сжечь ни римляне, ни немцы, и никакие ренегаты и вероотступники не сумели осквернить и извратить ее. В древности мудрецы говорили, что грехи человека искупает не соблюдение Йом-Кипура, а сам этот день, "суть этого Дня", разумеется, при условии искреннего раскаяния грешника. (4)

Еврейский ритуал можно определить как искусство отмечать значимые рубежи во времени, как АРХИТЕКТУРУ ВРЕМЕНИ. Эти рубежи – Шаббат, Новомесячье (рош-ходеш), праздники, Седьмой субботний год (шмита) и Пятидесятый год (йовель) – празднуются в определенные часы суток или в определенное время года. Например, праздничная или субботняя молитва начинается в установленный час вечера, утра или дня. Главные темы нашей веры также относятся к сфере времени. Мы помним день нашего Исхода из Египта; день, когда весь народ Израиля стоял у горы Синай. Наша мессианская надежда – это тоже ожидание заветного дня, конца дней.

В талантливом произведении искусства ключевая мысль раскрывается не произвольно, не наудачу. Ее представляют, как царя на официальном приеме – в нужный момент, после тщательной подготовки, чтобы подчеркнуть ее центральное значение и непререкаемую ценность. В Торе слова употребляются с изысканной

скрупулезностью, особенно те, которые, как огненные столбы, ведут нас по разветвленному лабиринту библейского мира с его многообразием и непостижимо глубокими замыслами.

Одно из самых частых слов в Торе – "кадош", святой. Именно оно больше, чем другие слова, представляет таинство и величие Б-га. А теперь попробуйте назвать самый первый священный объект в истории мира. Что это было: гора, алтарь?

Нет, слово "кадош" было впервые употреблено в книге Берешит (Бытие) в конце рассказа о Сотворении мира. Знаменательно, что оно относилось не к физическому предмету, а ко времени: "И благословил Б-г седьмой день и освятил его" (5). В истории Творения ни один пространственный предмет не наделен таким качеством святости.

В том и состоит кардинальное отличие иудаизма от общепринятого религиозного мышления. Человек, воспитанный на мифах Древней Греции, подумал бы, что после создания неба и земли Б-г должен выделить некое святое место – священную гору или священный родник – и там водрузить монумент или другое святилище для всеобщего поклонения. Но Тора ставит на первое место святость времени – Шаббат.

Итак, на заре истории существовала лишь одна святость в мире – святость времени. Прежде чем дать евреям Свои вечные заповеди на Синае, Всевышний провозгласил святость в человеке: "И будете вы Мне народом святым". Лишь после того, как люди поддались соблазну поклонения материальному кумиру, золотому тельцу, им было велено соорудить Шатер Откровения в пустыне, походный Храм, сотворить святость в пространстве. (6) Короче, вначале возникла святость времени, затем святость человека и лишь затем святость пространства. Время было освящено Б-гом; пространство, Шатер Откровения освятил Моше (Бамидбар 7:1).

Календарные числа наших праздников, которые отмечают исторические события, зависят от природных циклов. Например, Песах и Суккот совпадают с полнолунием. Даты всех праздников устанавливаются по месяцам, которые, в свою очередь, отражают периодичность астрономических явлений: еврейский месяц начинается с появлением узкого серпа молодой луны на вечернем небе. (7) Другое дело Шаббат – он совершенно не зависит от месяца и не имеет отношения к лунным циклам. (8) Его наступление никак не связано с повторяющимися явлениями природы, такими как новолуние. Он – производное самого Творения. Другими словами, суть Шаббата полностью отделена от пространственного, физического мира.

Значение Шаббата в том и состоит, чтобы отмечать время, а не пространство. Шесть дней в неделю мы живем под гнетом пространства и всего, что оно содержит; но в Шаббат мы стремимся приобщиться к святости времени. В этот день Тора призывает нас ощутить саму вечность, переключить внимание с результатов Творения на само таинство Творения, покинуть сотворенный мир и перейти в процесс его сотворения.

Примечания.

1. По мнению Бертрана Рассела, время – это "поверхностная, лишенная важности характеристика реальности...Философская мысль должна стремиться в определенной мере к освобождению от рабской привязанности к времени...Признав малозначительность времени, мы откроем ворота мудрости". "Our Knowledge of the External World", pp.166–167;
2. "Время – это страшная, смертельная болезнь, порождающая безысходную ностальгию. Своим течением время поражает человека в сердце, вселяет в него отчаяние и наполняет его взор печалью", – Н.Бердяев, "Одиночество и общество", стр.134.
3. Это один из аспектов, отличающих религиозное восприятие от восприятия эстетического;
4. Рамбам, "Мишне Тора", разд. Тшува, 1,3, на основе мишны "Йома", 8,8. Более радикальный взгляд изложен в "Сифра" на 23:27 и "Шавуот", 13а (перевод на англ. "Сонсино"): "Я бы мог подумать, что День Искупления искупит его грехи, но при условии, что он постился в этот день, и назвал его священным сбором (включив в литургию этого дня благословение "Благословен Ты, Г-сподь...освятивший Израиль и День Искупления" и надев священные одежды, символизирующие принятие святости этого Дня; см. "Тосафот Критот" 7а), и не работал в этот день. Но если он не постился, и не назвал его священным сбором, и работал в этот день – как же мы тогда можем заключить (что этот День искупает его грехи)? В Торе сказано, что это День искупления – т.е. во всех случаях он искупает". Однако большинство авторитетов не разделяют мнение, что Йом Кипур искупает даже тех, кто не только не раскаивается, а, наоборот, грешит в тот самый День;

5. Берешит 2:3. "Помни День Субботний, чтобы освятить его... ибо шесть дней творил Б-г небо и землю...поэтому благословил Б-г День Субботний и освятил его" (Шмот 20:8,11). В тексте Десяти Заповедей определение "святой" относится только к одному слову – Шаббат.

6. Святости времени вполне хватило бы для мира. Святость пространства стала вынужденным компромиссом с человеческой природой. Сооружение Шатра Откровения не было заповедано в Десяти Заповедях. Оно было начато в ответ на прямое обращение народа к Б-гу: "Владыка вселенной! Цари народов мира имеют дворцы. Во дворце устанавливают стол, подсвечники и другие царские знаки отличия, по которым можно узнать их властелина. Почему бы Тебе, нашему Царю, Спасителю и Помощнику, тоже не использовать монаршие знаки, чтобы все жители земли признали Тебя своим Царем?" – "Мидраш агада", 27:1;

7. Период времени от одного новолуния до следующего составляет лунный месяц и равняется 29 дням и 12 часам;

8. В Вавилоне седьмой день отмечали каждый седьмой день лунного месяца.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА 1. ДВОРЕЦ ВО ВРЕМЕНИ

Чтобы вступить в святость дня, надо вначале сбросить с себя бремя будничных забот, выйти из порочного круга нескончаемой погони за миражом материального процветания. Надо отделиться от нестройного шума будней, от нервозности и неутолимой жажды наживы, от губельной растраты собственной жизни. Надо хоть на время распрощаться с трудовыми буднями и осознать, что мир уже создан и вполне может существовать и без помощи человека. Шесть дней в неделю мы ведем борьбу с окружающим миром, добываем хлеб насущный; но в Шаббат мы любовно растим семена вечности, посеянные в наших душах. Миру принадлежат наши руки, но душа наша принадлежит Б-гу. Шесть дней в неделю мы стремимся господствовать над миром – в седьмой день мы пытаемся установить господство над собою.

Впервые встретив евреев, римляне с высокомерным презрением восприняли их строгую приверженность закону о прекращении работы в Шаббат. Шаббат – это символ еврейской лени, считали Ювенал, Сенека и другие античные интеллектуалы.

Стремясь отстоять, оправдать Шаббат, лидер грекоговорящих евреев в Александрии Филон заявил: "В этот день нам заповедано воздерживаться от любой работы, но не потому, что наш закон потворствует безделью... Он лишь стремится дать человеку передышку от непрерывного и нескончаемого труда, дать отдых нашим телам с помощью продуманной системы периодического выключения из трудовой деятельности, чтобы затем мы могли возобновить работу с обновленными силами. Такие периоды отдыха нужны не только простым людям, но и атлетам – они позволяют им собраться с силами и продолжать неуклонное и упорное движение к поставленной цели".

В этой апологетике Шаббат представлен не в духе Торы, а в духе Аристотеля. По словам античных философов, "нам требуется расслабление, потому что мы не можем работать непрерывно. Короче, отдых, расслабление – это не цель", а средство. Человек отдыхает "ради последующей деятельности", чтобы накопить силы для новых достижений. Но с точки зрения Торы, все обстоит наоборот: именно труд является средством, а Шаббат, как день отдыха и воздержания от трудовой деятельности, предназначен не для восстановления растроченных сил и подготовки к предстоящей работе. Шаббат существует ради самой жизни. Ибо человек – не вьючное животное, и Шаббат нужен не для повышения эффективности его труда. Как сказано в субботнем гимне "Леха доди", Шаббат "возник последним, но был задуман первым"; он "завершил сотворение неба и земли".

Не Шаббат существует для будней, а будни – для Шаббата. Шаббат не антракт, а апофеоз жизни.

Три Б-жественных действия определили суть Седьмого дня: Б-г отдыхал в этот день, благословил и освятил его (Берешит 2:2,3). Иначе говоря, к запрету трудовой деятельности добавились благословение для радости и стремление к святости. Шаббат празднуют не только руки человека, но и его язык и душа. В этот день меняется даже наша речь; нам нельзя не только говорить, но и думать о делах и работе.

Труд – это ремесло, но полный отдых сродни искусству. Он достигается лишь при полной гармонии тела, разума и воображения. Чтобы добиться высокого мастерства в каком-то виде искусства, надо вначале освоить его скрытые рычаги, подчиниться его законам. Седьмой день – это дворец, который мы строим во времени. Он сделан из души, радости и красноречивого молчания. В его уникальной атмосфере ощущается особый порядок, дисциплина, напоминающая нам о близости к вечности. Великолепие этого дня выражено в категориях отказа, воздержания. Точно так же Б-жественное таинство можно точнее выразить с помощью отрицаний, в рамках доктрины негативной теологии, согласно которой мы не знаем, что Б-г Собою представляет – нам лишь известно, чем Он не является. Мы часто ощущаем, каким слабым будет здание нашей веры, если строить его исключительно на ритуалах и действиях, которые выглядят странными и даже раздражающими. Как иначе выразить грандиозность вечности, если не молчанием, не воздержанием от шума и суеты? Эти ограничения отзываются волшебной мелодией в душах тех, кто знает, как надо вести себя во дворце в присутствии королевы.

Это слово редко произносят, ибо оно выражает чувство, слишком глубокое и сокровенное, чтобы доверить его нашим устам: речь идет о любви к Шаббату. Она редко упоминается в нашей литературе, но уже более двух тысяч лет доставляет нам высшее наслаждение, наполняет наши чувства песнями и гимнами. Можно сказать, что целый народ влюблен без памяти в Седьмой день. Сам дух этого дня можно понять только в сравнении с апофеозом любви. Именно такие требования к любви предъявляет рыцарская поэзия средних веков: "Любовь должна быть абсолютной; каждая мысль и каждое действие влюбленного должны всегда и везде откликаться ярчайшими эмоциями и фантазиями, на какие он только способен".

"Романтическая любовь трубадуров к их дамам искрилась счастьем. Требования и нужды такой любви превращали ее в высший закон жизни. Любовь была рыцарским служением; она рождала беззаветную преданность, давала образцы высшей, благороднейшей жертвенности. И она же становилась источником личного совершенства, вдохновляя человека на самоотверженные, поистине героические деяния". Рыцарская культура породила романтическую концепцию обожания и любви, которая по сей день доминирует в своей мифическо-страстной форме в литературе и образе мышления западного человека. Еврейским вкладом в идею любви стала концепция любви к Шаббату, любви к особому дню, к духовной субстанции, существующей во времени.

Чем же этот день так прекрасен, так ценен? Почему он завоевывает наши сердца? Седьмой день прекрасен и ценен тем, что он похож на рудник, где можно добыть драгоценный металл духа для строительства дворца во времени. Это особое измерение, где человек сосуществует с Б-жественным началом, где он настолько возвышается, что приближается к уровню Творца, приобретает Его качества.

Где еще можно уподобиться Б-гу? У пространства нет ни одного качества, общего с Б-гом. На вершине горы не обретаешь полную свободу; в молчании моря нет исчерпывающей славы. Подобие Б-га можно найти в совершенно другом измерении – во времени, которое под маской часов и дней скрывает истинную вечность.

Искусство соблюдения Седьмого дня похоже на искусство живописи, когда на холсте времени воссоздается таинственное величие кульминационного момента Творения: как Он освятил Субботу, так и мы будем освящать этот день. Любовь к Шаббату – это любовь человека к тому общему, что есть у него с Б-гом. Наше соблюдение Шаббата – это парафраз Б-жественного освящения Седьмого дня.

Как бы выглядел мир без Шаббата? Он знал бы только себя, и в его искаженном представлении Б-г был бы материальной субстанцией или пропастью, отделяющей его от вселенной. Этот мир прозябал бы в невежестве, без окна в вечность, без понимания времени.

Несмотря на такую идеализацию идеи Шаббата, ей не грозит превращение в волшебную сказку. При всей своей романтизации Шаббат остается конкретным фактом, юридической инстанцией и элементом общественной системы. Ему не грозит опасность превращения в абстракцию, потому что дух Шаббата должен всегда соответствовать реальным делам, конкретным действиям и ограничениям. Физическая и духовная сферы всегда едины, как тело и душа живого человека. Закон расчищает путь к Шаббату; душа ощущает его дух.

Об этом хорошо знали древние мудрецы: Шаббат требует от человека полного внимания, целеустремленного служения и безраздельной преданности и любви. Логика такой концепции вынуждала их постоянно расширять систему законов и правил его соблюдения. Они стремились, в первую очередь, облагородить, возвысить человека, чтобы он был достоин присутствия в этом священном, воистину царском дне.

Однако закон и любовь, дисциплину и блаженство не всегда удавалось сплавить воедино. Трепетное отношение к Шаббату и боязнь осквернить его дух вынудили мудрецов установить такой уровень его соблюдения, который хотя и соответствует возможностям тонких, возвышенных душ, но порой недоступен простым людям.

Прославление этого дня, акцент на его строгом соблюдении не привели, однако, к обожевлению закона. "Шаббат дан вам, а не вы – Шаббату". Мудрецы знали, что излишний пиетет помешает соблюдению духа закона. (1) От нас требуется жертвовать заповедями ради человека, а не человеком ради заповедей. Цель Торы – "дарить жизнь Израилю – в этом мире и в Мире грядущем".

Постоянный аскетизм может иссушить дух Субботы, а легковесность в соблюдении неизбежно подорвут его. Надо избегать обеих крайностей. Нельзя обрабатывать копьём тонкую филигрань и оперировать мозг плужным лемехом. Надо всегда помнить, что Шаббат – не повод для легкомысленных занятий; что в этот день нельзя устраивать фейерверки и совершать акробатические сальто. Он создан для исправления нашей суетной жизни, для собирания времени, а не его пустой траты. Труд, лишенный достоинства, приносит страдания; отдых без духовной основы ведёт к пороку.

Жители Рима страстно желали двух вещей – хлеба и цирковых зрелищ. Но человек не может жить только хлебом и зрелищами. Ему не обойтись без стремления к духовности священного дня.

Шаббат – это самый ценный подарок, полученный человечеством из сокровищницы Б-га. Всю неделю мы думаем: "Дух слишком далек от меня", и мы забываем о духе или в лучшем случае молим Творца: "Дай нам немного от духа Твоего". Но в Шаббат дух распрямляется и требует: "Прими от меня весь мой блеск...".

Но часто бывает, что дары, предлагаемые духом, слишком возвышенны для нашего приземленного разума. Мы охотно принимаем отдых, расслабленность Шаббата, но упускаем из виду его вдохновение, забываем о его Источнике и его идее. Поэтому мы просим Б-га с пониманием отнестись к нашей слабости:

"Помоги детям Твоим понять и осознать, что их отдых исходит от Тебя и что отдыхать – значит освящать Имя Твое".

Соблюдать Шаббат – это значит отмечать коронацию дня в волшебной стране духа и времени, воздух которой мы вдыхаем, когда "зовем его (Шаббат) наслаждением".

Да, Шаббат зовется наслаждением, отрадой.(2) Это улада души и отрада для тела. Но поскольку Б-г заповедовал воздерживаться от многих действий в Седьмой день, "вы можете подумать, что Я дал вам Шаббат для неудовольствия; нет, Я дал вам Шаббат для радости". Освящать Седьмой день не значит "смирять свою плоть". Наоборот, и будешь ты освящать его всем сердцем твоим, всей душою твоею и всеми твоими чувствами. "Освящайте Шаббат отменными блюдами, красивыми одеждами; ублажайте душу свою удовольствиями, и Я вознагражу вас за эти удовольствия".

В отличие от Дня Искупления, Шаббат посвящен не только духовным целям. Это праздник для души и для тела; комфорт и удовольствие – неотъемлемые составляющие Шаббата, и человек должен целиком отдаться его радостям всеми помыслами и устремлениями.

Один принц попал в плен и был вынужден жить под чужим именем среди грубых, неграмотных людей. Шли годы, но его не покидала мечта вернуться к своему венценосному отцу, королю, в страну, где он родился и вырос. Однажды принц получил тайное сообщение с родины: отец обещал выволочь его из плена, вернуть во дворец и просил лишь, чтобы он не утратил свои благородные манеры. Принца распирало от радости. Ему хотелось отметить этот день, но не в одиночестве. Поэтому он пригласил местных жителей, с которыми был знаком, в таверну и заказал для всех обильное угощение. Это был настоящий пир, веселый и буйный: приглашенные люди радовались вкусной еде и пьянели от вина, а принц тайно радовался в предвкушении скорого освобождения и возвращения в отцовский дворец. Из этой притчи следует вывод: душа не может праздновать Шаббат в одиночестве – на пиру должно присутствовать и тело. Иначе радость будет неполной.

"Шаббат напоминает нам о двух мирах – нашем физическом мире и Мире грядущем; в нем отражены оба этих мира. Ибо Шаббат – это радость, святость и отдых; радость – неотъемлемый элемент физического мира; святость и отдых приходят из Мира грядущего". (3)

Соблюдать Седьмой день – это не только подчиняться, выполнять строгие предписания Б-жественного закона. Соблюдать Шаббат означает также праздновать Творение мира и раз в неделю воссоздавать Седьмой день, ощущать его величие и святость во времени, ибо это "день отдыха, день свободы", "владыка и царь всех других дней", безраздельный правитель империи времени.

В чем состоит отличие Шаббата от других дней недели? В любой другой день, будь то воскресенье или среда, все часы и минуты безлики; если мы не наполним их значением, они останутся пустыми, не отличимыми друг от друга. Часы Седьмого дня важны сами по себе; их красота и значимость не зависят от нашей деятельности, от наших заработков и достигнутых успехов. Они отмечены величественной красотой.

В молитве, которая читается в субботу днем, сказано: "Величественная красота, венец спасения – день покоя и святости...покой в любви и добровольном служении, покой в истине и вере, покой в мире и беззаботности, спокойствии и безопасности, – покой совершенный, который угоден Тебе".

Время подобно пустыне. В нем есть величие, но нет красоты. Его странное, пугающее могущество внушает страх, но редко воодушевляет. Но вот миновали шесть будничных дней, и нас встречает Суббота, столь потрясающе очаровательная, что наша душа не может устоять перед ней. Она проникает в наши мысли с исцеляющим обаянием. В этот день часы не вытесняют друг друга. Этот день способен рассеять в дым всю печаль и грусть.

Ни один человек, даже самый необразованный и примитивный, не может не заметить этой красоты, ибо сказано: "Даже неуч благоговеет перед этим днем". Мудрецы считали, что в святой Субботний день человек не может лгать.

Но что означает само слово "Шаббат"? По мнению некоторых авторитетов (например, авторов каббалистической книги "Зоар"), это имя Самого Пресвятого. В таком случае, если "Шаббат" – Имя Б-га, нам нельзя упоминать его в нечистых местах, где, кстати, вообще запрещено произносить любые слова из Торы. Некоторые люди вообще стараются не употреблять всуе слово "Шаббат".

Седьмой день похож на дворец, построенный во времени. Он царствует над всеми людьми. Шаббат – это не дата, а атмосфера.

Это не иное состояние нашего сознания, а иной климат. Шаббат как будто меняет сам вид окружающих нас вещей. Нам кажется, что мы находимся внутри Шаббата, а не Шаббат внутри нас. Мы не знаем, насколько правильно наше восприятие и насколько благородны наши чувства, но мы целиком отдаемся им: воздух этого дня мягко омывает нас, как растекается по земле, не встречая никаких преград, чистый горный поток.

Один мудрец сказал другому: "Как бесценен Праздник кущей! Когда мы живем в шалаше, даже наше тело купается в святости мицвы". Второй мудрец ответил: "Субботний день еще более бесценен. В праздник ты можешь уйти на время из шалаша, а Шаббат окутывает тебя, куда бы ты ни пошел".

Разница между Шаббатом и другими днями не отражена в физической структуре вещей, в их пространственных формах. В Седьмой день вещи остаются неизменными. Есть только разница в качестве времени, в отношении вселенной к Б-гу. Шаббат предшествовал творению, и Шаббат завершил творение; он содержит весь заряд духовности, какой способен вместить в себя мир.

Седьмой день облагораживает душу и умудряет тело. Рассказывают такую притчу.

Одного мудреца недруги заточили в пещеру, куда не проникал ни единый луч света. Поэтому он не мог следить за сменой дня и ночи. Больше всего его угнетала мысль, что он не сможет теперь встречать Субботу молитвой и песнопениями, как привык с юности. Кроме того, его очень мучила почти непреодолимое желание курить. Эта тяга к курению не давала ему покоя, и он ругал себя, что не может ее обуздать. И вдруг ему расхотелось курить; внутренний голос сказал: "Сейчас канун Субботы! В этот час страсть к курению, запрещенному в Шаббат, неизменно покидает меня". Воодушевленный этим открытием, он встал и громко поблагодарил Б-га, а затем благословил День субботний. Так продолжалось каждую неделю; его мучительная тяга к табаку бесследно исчезала с приходом очередного Шаббата.

Каждый человек стремится жить достойно; в этом желании мы черпаем силы и вдохновение, которые помогают нам пережить все жизненные трудности. Наша трудовая деятельность в будни и отдых в Седьмой

день тесно связаны между собой. В этой связке Шаббат играет роль вдохновляющего начала, и другие дни получают от него заряд энергии.

Слова Торы "И завершил Б-г в День седьмой работу Свою" (Берешит 2:2) кажутся на первый взгляд странными. Ведь в другом месте сказано: "И почил Б-г в День седьмой", и еще: "Ибо шесть дней творил Б-г небо и землю" (Шмот 20:11). Почему Тора не говорит, что Б-г закончил Свою работу в шестой день? Проанализировав текст, мудрецы решили, что процесс Творения продолжался и в Седьмой день. В Шаббат была создана "менуха" (отдых) подобно тому, как в течение шести дней создавались небо, земля и все их содержимое.

"Чего не хватало вселенной после шести дней Творения?
Что еще ей требовалось? – "Менуха". Но пришел Шаббат, вместе с ним пришла "менуха", и вселенная была завершена". (4)

Еврейское слово "менуха", которое обычно переводят как "покой", "отдых", означает нечто гораздо большее, чем простое прекращение работы, отказ от трудовой активности и расслабление, снятие забот и напряжения. "Менуха" – это не отрицательная концепция, в ней присутствует нечто реальное и непреходяще позитивное. Таково мнение мудрецов, которые считали, что для создания "менухи" требовался специальный акт творения, что без нее вселенная не была бы завершена.

В мидраше сказано: "Что было сотворено в седьмой день?
– Спокойствие, безмятежность, покой и отдых".

Для человека, воспитанного в духе Торы, "менуха" равнозначна счастью, тишине, миру и гармонии. Описывая состояние, к которому он стремился после смерти, известный библейский страдалец Иов употребил слово того же корня, что и "менуха". Это такое состояние, при котором человек тихо лежит в полном покое: "Там перестали тревожить мир нечестивые, и там отдыхают истощившие силу" (Иов 3:13,17). В этом состоянии нет вражды и конфликтов, нет страха и подозрения. Сама суть хорошей жизни – это "менуха". "Г-сподь - пастырь мой. Не будет у меня нужды ни в чем. На пастбищах травянистых Он укладывает меня, на воды тихие приводит меня" (воды "менуха"). (Псалмы 23:1). В более позднее время "менуха" стала синонимом жизни в Мире грядущем, вечной жизни (см. упокойную молитву "Кэль мале рахамим").

Шесть дней недели мы молимся: "Храни нас при выходе и при входе", а субботним вечером просим Творца: "Раскинь над нами Свой мирный полог". Вернувшись из синагоги домой, мы воодушевленно поем:

"Мир вам, ангелы Мира".

Седьмой день непрерывно поет. В старинной притче говорится: "Когда Адам увидел великолепие Субботы, ее величие и славу и ту радость, которую она дарит всем творениям, он произнес нараспев хвалебную песнь Субботному дню, как будто желая выразить Творцу свою благодарность за бесценный дар Шаббата. Тогда сказал ему Б-г с упреком: "Ты поешь хвалебную песнь Субботному дню и не поешь Мне, Б-гу Субботы?" И тут поднялась Суббота со своего места, пала ниц перед Творцом и молвила: "Как хорошо благодарить

Г-спода!" Все творение продолжило в унисон: "И петь хвалу Имени Твоему, о Всевышний!" Именно Шаббат вдохновил все Б-жественные творения воздать хвалу Г-споду, как сказано в литургии утренней субботней молитвы:

"Б-гу, который пребывал в покое, не совершая никакой из своих работ в седьмой день, – когда Он поднялся и воссел на престоле Славы Своей.

Великолепием облек Он день покоя; назвал День Субботний блаженством.

В том слава Седьмого дня, что в этот день Б-г пребывал в покое, не совершая никакой из своих работ.

И сам День Седьмой восхваляет Всевышнего и провозглашает: "Хвалебная песнь в честь Субботного дня. Отраднo благодарить Г-спода!"

И поэтому пусть все творения Б-га благословляют Его".

Именно Шаббат учит все творения, Кого и как им следует восхвалять.

Примечания.

1) Кроме запретов на идолопоклонство, разврат и убийство;

2) Ишаюга 58:13. В "Тикуней зоар" сказано также: "Тот, кто уменьшает отраду Субботы, как будто грабит Шехину (Б-жественное Присутствие), ибо Суббота – единственная дочь Б-га";

- 3) Поэтому мы говорим в Шаббат: "Да возвеселятся небеса, и возрадуется земля" (Псалмы, 96:11). В книге Аль Накава, "Менорат а-маор" сказано: "Небо символизирует Мир грядущий, мир душ, а земля символизирует этот мир, земной и смертный";
- 4) По мнению греко-еврейского философа Аристокбулуса, в седьмой день был создан свет, в котором можно видеть все вещи, – это свет мудрости.

ГЛАВА 2. ЗА ГРАНЬЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наша техническая цивилизация – это продукт труда, стремления человека к господству над природой ради обогащения, ради выпуска и приобретения товаров. Не удовлетворяясь тем, что дает природа, он вступает в сражение с ее силами, желая повысить свою безопасность и свой комфорт. Пользуясь языком Торы, можно сказать, что задача цивилизации состоит в обуздании земли и господстве над зверем.

Мы часто гордимся своими победами в войне с природой, гордимся своими открытиями и изобретениями, изобилием производимых нами товаров. Однако в последнее время произошли кардинальные изменения: наши победы все чаще напоминают поражения. Несмотря на грандиозные достижения, мы становимся жертвами результатов собственного труда. Завоеванные нами силы перешли в контрастную и теснят нас, загоняют в тупик.

Неужели наша цивилизация идет напрямик к катастрофе, как считают многие? Неужели она изначально порочна, и ее надо отвергнуть и проклясть? Еврейская религия не отделена от этого мира – она внутри и выше него. Она не отвергает цивилизацию, а стремится возвысить ее. Именно в Шаббат мы учимся совершенствовать цивилизацию, возвышать ее.

Адам был помещен в Сад Эден, чтобы "возделывать его и охранять" (Берешит 2:15). Труд – это не только неотъемлемая часть нашей повседневной жизни; он был изначально наделен Б-жественным достоинством. Но отведав запретный плод древа познания, Адам обрек себя на тяжкий и мучительный труд: "В страданиях будешь ты есть...все дни жизни твоей" (Берешит 3:17). Ибо труд бывает разный: вдохновенный и униженный, благословенный и скорбный.

В Шаббат мы прекращаем работу не в знак пренебрежения трудом, а наоборот, чтобы возвысить его, проявить его Б-жественное достоинство. Повеление "не делать никакой работы в день Седьмой" – это, по существу, продолжение другой заповеди Торы: "Шесть дней работай, и делай всю работу свою" (Шмот 20:9).

"Шесть дней работай, и делай всю работу свою, а в Седьмой день – Шаббат Г-споду Б-гу твоему". Иначе говоря, нам заповедано не только соблюдать Шаббат, но и работать в другие дни. "Люби труд...", – учили наши мудрецы в трактате "Пиркей авот". Обязанность трудиться шесть дней – это такая же неотъемлемая часть Б-жественного договора с человека, как и закон о прекращении работы в Седьмой день.

Тора призывает нас отвести один день в неделю для свободы, когда мы не пользуемся рабочими инструментами, столь легко превращенными в орудие разрушения. В этот день мы остаемся наедине с собой, отдаляемся от всего пошлого, вульгарного, обретаем свободу от всех внешних обязательств, прекращаем поклоняться идолам технической цивилизации и не пользуемся деньгами, прерываем экономическую борьбу с другими людьми и силами природы. Да есть ли иная подобная сила, дающая человеку столь грандиозную надежду на прогресс, как наш еврейский Шаббат?!

Проблема взаимоотношений с технической цивилизацией будет решена человечеством не с помощью ее демонтажа, а на пути достижения определенной степени независимости от нее.

Что касается материальных даров цивилизации, физического обладания ими, здесь приемлем только один подход: иметь их, пользоваться ими и уметь обходиться без них. В Шаббат мы перестаем зависеть от технической цивилизации, воздерживаясь в первую очередь от таких видов деятельности, которые нацелены на преобразование, усовершенствование пространственных объектов. В Седьмой день мы временно лишаемся своей царской привилегии покорять природу.

Какие же виды работ нельзя выполнять в Шаббат? Наши мудрецы постановили (см. Вавилонский Талмуд, трактат "Шаббат" 49б), что речь идет о таких действиях, которые были необходимы для строительства передвижного Храма в пустыне и изготовления предметов его обстановки. Ибо Шаббат и есть наше рукотворное святилище, святилище во времени.

Одно дело отдаться течению материальной жизни со всеми ее причудами, угрожающими нашему духовному благополучию, и совсем другое дело – остановиться и ощутить всеми фибрами души присутствие вечности.

Седьмой день – это перемирие, заключенное в разгар нашей жестокой войны за существование, прекращение огня на всех фронтах, личных и общественных; это мир между человеком и его ближним, между человеком и природой, мир внутри самого человека. В этот день пользование деньгами считается профанацией; день этот дает нам возможность утвердить свою независимость от главного идола нашего мира. Седьмой день избавляет нас от повседневного напряжения, освобождает от путаницы в нашей собственной душе. Он возводит человека на пьедестал повелителя в мире времени.

В бурном океане времени есть остров покоя, где человек может бросить якорь в тихой гавани и восстановить свое достоинство. Этот остров – Седьмой день, Шаббат; он помогает нам освободиться от бремени материальных забот и текущих дел, приблизиться к духовной среде.

Шаббат надо проводить, как говорили мудрецы, в "радости, благоволении, мире и большой любви...ибо в этот день даже находящиеся в аду нечестивцы обретают покой". Гневливость – плохая черта. Но вдвойне грешно гневаться в Шаббат.

Стих из Торы "не зажигайте огня во всех жилищах ваших в День субботний" (Шмот 35:3) можно истолковать и так: "Не зажигайте огня раздора и не распалайте жар гнева". Короче, в Субботу нельзя зажигать огонь, даже огонь праведного негодования.

В череде будничных дней, борясь и страдая от мелких неприятностей и дисгармонии мира, мы с тоской и нетерпением ждем Шаббата, в котором можно укрыться, как в надежной гавани. Шаббат – источник нашей силы и наша цель. В этот день мы вырываемся из порочного круга плебейской суеты и восстанавливаем свой истинный статус Человека с большой буквы, способного находить радость в своей исходной сути, независимо от степени своей учености, от того, преуспели ли мы в делах или нет. Это день полной независимости от нашего общественного статуса.

Всю неделю мы тревожимся и размышляем о том, богаты мы или бедны, преуспеваем или, наоборот, терпим неудачу в своей трудовой деятельности, достигаем своих целей или нет. Трудная, беспокойная жизнь. Но все тревоги и огорчения мгновенно исчезают, когда перед нашим внутренним взором разворачивается многоцветная палитра вечности. И тогда из всех будничных чувств у нас остается одно лишь сожаление, что мы расстраивались из-за каких-то жалких пустяков.

В Шаббат нет времени для личных забот и проблем, для всякой деятельности, которая может приглушить дух радости. Шаббат – не время для неприятных размышлений о совершенных грехах, для исповедей и покаяния и даже для мольбы об избавлении или удовлетворении личных нужд. Это день, когда читают восхваления, а не обращаются с просьбами. Пост, скорбь, любое проявление горя запрещены в Шаббат. Период траура прерывается. Если вы навещаете больного в Седьмой день, надо сказать ему: "Сегодня Шаббат, поэтому нельзя жаловаться; крепись, ты скоро поправишься". В Субботу надо избегать напряжения и любых усилий, даже связанных со служением Творцу". (1)

Почему мы не читаем Восемнадцать благословений в Шаббат? Потому что Шаббат был дан нам Б-гом для радости, для удовольствия, для покоя, и его нельзя омрачать беспокойством и горестными мыслями. Если в доме есть больной, мы вспоминаем о нем, читая одно из благословений будничной молитвы: "Пошли с небес полное исцеление..."; в этот момент нас охватывает грусть. В Шаббат такое чувство недопустимо. Вот почему в субботнее благословение после трапезы включена просьба о том, чтобы "не было печали и беды в день нашего покоя". Тот, кто печалится в Субботний день, совершает грех.

Ибо Шаббат – это день гармонии и мира, мира между человеком и его ближним, мира внутри самого человека, мира между человеком и всем, что окружает его. В Седьмой день мы не имеем права манипулировать Б-жественным творением, менять порядок в физическом строении вещей. Это день покоя как для людей, так и для животных:

"Не совершай (в Шаббат) никакой работы, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни бык твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который во вратах твоих, чтобы отдохнул раб твой и рабыня твоя, как ты" (Дварим 5:14).

Однажды рав Шломо из Радомска приехал в городок, где жила старая женщина, когда-то служившая в доме знаменитого мудреца и праведника рабби Элимелеха. Она была очень стара и не выходила из дома. Поэтому рав Шломо сам пришел к ней в гости и попросил ее рассказать что-нибудь о великом Учителе.

"Я не знаю, что происходило в его жилых комнатах, потому что я вместе с другими девушками работала у него на кухне. Могу вам сказать только одну вещь. В обычные дни прислуга часто ссорилась друг с другом – ничего особенного в этом нет. Но в пятницу перед наступлением Шаббата атмосфера на кухне была совсем иной, как в канун Йом-Кипура. Каждой из нас хотелось просить прощения у других девушек. Мы все были охвачены чувством любви и внутреннего умиротворения."

Поэтому Шаббат – это нечто большее, чем перемирие, чем передышка; это чувство глубокого внутреннего согласия человека с окружающим миром, симпатии ко всем творениям и стремление участвовать в единении нижних и верхних сфер. Все, что есть Б-жественного в мире, вступает в союз с Творцом. Таков Шаббат, основа истинного блаженства во вселенной.

"Шесть дней работай и делай всю работу свою" (Шмот 20:9). Разве может человек сделать всю работу за шесть дней? Разве не приходится нам часто оставлять работу незавершенной? У этого стиха более глубокий смысл: отдыхай в Шаббат без всяких забот – так, как будто ты завершил всю свою работу. Другое объяснение: отдыхай даже от самих мыслей о работе. (2)

Один благочестивый человек гулял в своем винограднике в Шаббат. Вдруг он увидел пролом в заборе и решил заделать его, когда закончится суббота. Однако на исходе Шаббата он передумал. "Поскольку мысль о ремонте забора пришла мне в голову в Шаббат, – сказал он себе, – я вообще не стану его чинить".

Примечания.

1. "Рабби Шешет сажал своих учеников (в Шаббат) под солнцем летом и в тени зимой, чтобы они быстрее вставали. Рабби Зейра выискивал пары учеников, занимавшихся Торой, и говорил им: "Умоляю вас, не оскверняйте ее" (Субботу – тем, что вы пренебрегаете ее радостями и беззаботной атмосферой)". (Вавилонский Талмуд, трактат "Шаббат", 119а-б).

2. По мнению рабби Эдварда Малера, глагол "шаббат" означает не "отдыхать", а "быть полным, завершенным". Существительное "шаббату" на языке жителей древнего Вавилона имело значение цикла в хронологическом значении – это день, когда луна завершает свой астрономический цикл, день полнолуния.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА 3. ВЕЛИКОЛЕПИЕ ПРОСТРАНСТВА

Сцена из далекого прошлого.

Время действия: около 130 года н.э.

Место действия: Эрец-Исраэль.

Участники: три выдающихся еврейских мудреца и один посторонний человек. Страна и ее жители находятся под властью Римской империи.

Рабби Иегуда бен Илай, рабби Йосе и рабби Шимон бен Йохай сидят рядом и беседуют. Их внимательно слушает некий Иегуда бен Герим. Разговор начинает рабби Иегуда:

"Как прекрасны творения этого народа (римлян)! Они проложили дороги и открыли рынки, построили мосты и возвели бани".

Рабби Йосе молчит.

В разговор вступает рабби Шимон бен Йохай. Он возражает: "Все это они сделали для себя. Они проложили дороги и открыли рынки, чтобы наводнить их шлюхами; они построили мосты, чтобы взимать пошлины за проезд по ним; они возвели бани, чтобы услаждать свои тела".

Иегуда бен Герим ушел домой и рассказал отцу и матери все услышанное. Слова мудрецов разошлись по всей округе и вскоре стали известны римским властям. Власти постановили:

"Иегуда будет прославлен за то, что он прославлял нас; Йосе отправится в изгнание за то, что он молчал; а Шимон, оклеветавший наши свершения, будет казнен".

Когда рабби Шимон узнал об этом постановлении, он взял своего сына рабби Элазара и спрятался вместе с ним в доме учения. Жена рабби Шимона приходила к ним тайком каждый день, чтобы передать мужу и сыну хлеб и кувшин с водой. Узнав, что власти ищут его, чтобы арестовать, рабби Шимон сказал своему сыну:

"Нельзя полагаться на осторожность женщины, ведь ее можно легко разговорить и выведать у нее любой секрет. Или ее подвергнут пыткам, и она не выдержит и раскроет место, где мы прячемся".

Поэтому они вместе ушли в открытое поле и спрятались в пещере, чтобы ни один человек не знал, что стало с ними. И свершилось чудо: в пещере выросло рожковое дерево и открылся колодец с водой. Теперь у них было достаточно воды и питья. Рабби Шимон и рабби Элазар сняли с себя одежду и погрузились по шею в песок. Весь день они учили Тору. Когда пришло время для молитвы, они облачились в свои одежды и помолились, а затем снова разделись и зарылись в песок, чтобы их одежда не изнасилась. Так они провели в пещере двенадцать лет.

В конце заточения к ним пришел пророк Элиягу. Встав у входа в пещеру, он воскликнул:

"Кто известит сына Йохая, что император умер и его постановление отменено?"

Услышав это, отец и сын вышли из пещеры. Они огляделись и увидели крестьян, которые пахали и сеяли на полях. Воскликнули бывшие пленники:

"Как, эти люди пренебрегают вечной жизнью и занимаются бранными делами!"

Все, на что они смотрели, немедленно вспыхивало ярким пламенем и сгорало у них на глазах. И тут раздался голос с Небес:

"Вы пришли, чтобы уничтожить Мой мир? Так возвращайтесь обратно в пещеру!"

Тогда они вернулись и провели в заточении еще двенадцать месяцев, ибо знали, что наказание нечестивцев продолжается всего двенадцать месяцев.

Когда этот срок подошел к концу, с Небес опять раздался голос: "Выходите из своей пещеры!"

И они вышли. Если рабби Элазар причинял кому-нибудь боль, рабби Шимон его исцелял. Сказал рабби Шимон:

"Сын мой, если только двое останутся на свете, чтобы изучать Тору, этого будет достаточно для нашего мира".

Они покинули пещеру в канун Шаббата. Выйдя, они увидели старика, который нес в руках две связки мирта, сладко пахнущей зелени, источающей благоухание райского сада.

"Для чего они тебе?" – спросили они старика.

"Это в честь Шаббата", – последовал ответ.

Сказал рабби Шимон своему сыну:

"Ты видишь теперь, как дороги Израилю Б-жественные заповеди?"

В тот же момент оба мудреца обрели душевный покой. (Трактат "Шаббат", 33б)

В этой мистической притче о двух мудрецах, которые, рассердившись на осквернение времени, не пожелали признать величие цивилизованного пространства, есть множество скрытых значений. Здесь образно рассказано о том, как рабби Шимон бен Йохай и его сын вначале осудили окружающий мир, отвернулись от него с отвращением и раздражением, едва не уничтожив тех, кто создавал материальные блага, но затем признали этот мир. Ими двигали не патриотические чувства, как полагают некоторые историки, не презрение к иноземным поработителям, угнетавшим и преследовавшим народ Иудеи. С самого начала этой притчи становится ясно, что речь идет не только о римском правлении в Эрец-Исраэль, но и о римской цивилизации в целом. После двенадцати лет пребывания в пещере, обсуждаемая проблема приобрела глобальный характер. В ее орбиту оказалась вовлечена не конкретная историческая цивилизация, а вся мировая цивилизация на всех ее этапах. Вопрос ставится кардинально: стоит ли вообще жить мирскими ценностями?

В тот период Рим находился в зените славы. Он был, по существу, господином всего мира. У его ног лежали средиземноморские страны и народы. Его торговые связи простирались далеко за пределы самой империи – к Скандинавии на севере и Китаю на востоке; римская цивилизация добилась грандиозных экономических

успехов. Во всех провинциях Рима шло бурное развитие в сфере управления, техники и строительства. Воодушевленные своими достижениями, амбициозные правители империи стремились отразить их в величественных монументах и общественных зданиях. Театры, храмы, общественные бани, акведуки и мосты строились с размахом и быстрыми темпами на всех подвластных территориях. Многие сооружения действительно казались подлинным чудом архитектуры и строительного искусства.

Рим купался в лучах славы; к этому великолепному городу "были обращены взоры людей и богов". Даже через много десятилетий после эпохи расцвета один из поэтов утверждал, что "Небо не могло создать ничего более прекрасного (чем Рим); что ни один взор не в состоянии охватить его грандиозное великолепие, ни одно сердце не может прочувствовать до конца его красоту, и ни одни уста не воздадут ему всю заслуженную хвалу". Коллизией с его подавляющими своей массивностью формами; парящие своды Пантеона; и особенно Форум Траяна, несравненное по своему грандиозному величию сооружение, которым "восхищались даже боги", – все это как будто провозглашало: Римская империя – незыблема. В древности люди верили, что памятники и монументы стоят вечно. (1) Поэтому Риму вполне подходили все самые лестные эпитеты, особенно титул "Вечного города". (2) Именно в ту эпоху государство стало объектом поклонения и обожествления, а император, который пользовался почти неограниченной властью, считался заместителем бога на земле.

Трудно было не поддаться обаянию римского могущества и не согласиться с мягким и осторожным рабби Йегудой бен Илаем, восхищавшимся материальным процветанием римских провинций: "Как прекрасны творения этого народа! Они проложили дороги и открыли рынки, построили мосты и возвели бани". Но рабби Шимон бен Йохай резко осуждал эту тенденцию и не скрывал своего отвращения к зримым символам могущества Рима. Он пренебрежительно отозвался о расчетливом, утилитарном характере римской цивилизации, ибо знал, что все эти великолепные здания и общественные комплексы римляне построили не для блага людей, а ради удовлетворения своих нечестивых замыслов: "Все это они сделали для себя". (3)

Когда рабби Шимон бен Йохай покинул цивилизацию и поселился в пещере, чтобы учить Тору в полной изоляции от внешнего мира, сидя по горло в песке, он тем самым проявил готовность сменить мирскую жизнь на "жизнь вечную". Но его преследователи не могли понять и по достоинству оценить решение еврейского мудреца.

Его поступок практически ничего для них не значил. Для большинства римлян вечность была вполне мирской категорией. В их представлении вечная жизнь души означала не ее переселение в запредельные сферы и обретение вездесущего блаженства. Бессмертие они отождествляли с посмертной славой. Человек бессмертен, говорили они, когда он сохраняет связь с родным домом, своей земной обителью даже после ухода из жизни. Но рабби Шимон покинул свой дом и пренебрег славой, которая обычно достигается путем активного участия в мирских делах. Он бежал из мира, где вечность была наградой за мирскую суету, и поселился в пещере, чтобы придать своей жизни динамику вечности.

Римляне не верили в "загробную" жизнь и, тем более, в вечное блаженство и воздаяние. Страстная тяга к такому существованию, вера в эту жизнь были чужды самому духу гордого Рима. Они говорили: "Тело умирает, личность исчезает, не остается ничего кроме воспоминаний о добродетелях и свершениях покойного". Само слово "бессмертие" служило им лишь метафорой, означающей, что умершего человека помнят живые люди; в эту метафору до сих пор свято верят многие философы и моралисты. Обращаясь к Сенату с предложением "установить памятник самой благородной формы" павшим солдатам одного из легионов, Цицерон сказал: "Коротка жизнь, данная нам природой; но память о доблестно пожертвованной жизни пребудет вовеки... Поэтому надо создать памятник великолепной работы и выбить на нем достойную надпись. И тогда, увидев этот памятник или услышав о его великолепии, люди будут вспоминать солдат и прославлять их подвиги. И не смолкнут благодарственные речи. Так, в обмен на смертность жизни мы сами удостоимся бессмертия". (4) В другой раз во время публичного выступления Цицерон сказал, что "весь народ Рима даровал мне не дежурную благодарность, которая исчезнет со временем, а вечность и бессмертие". Именно такое отношение римлян к вечности побудило рабби Шимона изолировать себя от внешнего мира. Идея, высказанная Цицероном, была подхвачена римскими философами-стоиками. Она побудила Сенеку заявить, что боги повелевают нам "готовиться к присоединению к ним в обозримом будущем и заранее планировать свое бессмертие".

То, к чему стремились античные мыслители, было совершенно чуждо рабби Шимону бен Йохая. Его не вдохновляли земные блага, и даже весь окружающий его мир не представлял для него ценности, ибо этому миру все равно суждено исчезнуть. Но может быть правы римляне? Вечна ли слава, приобретенная у людей? Что ценного в том, что тебя будут помнить люди?

"Всякая плоть – трава, и всякая милость ее – как цветок полевой...

Засыхает трава, увядает цветок, но слово Б-га нашего пребудет вечно" (Ишаягу 40:6,8).

Мир преходящ; вечностью наделено лишь то, чем создавался этот мир – слово Б-га.(5) Поэтому вечности можно достигнуть лишь одним путем – служением Творцу и Его слову, изучением Торы.

Эта идея, что только Тора является источником вечности, по сей день провозглашается в наших молитвах. Стремясь ощутить вкус вечности в своем служении Торе, мы неустанно обращаемся к Б-гу со словами благодарности: "Благословен Ты, Г-сподь, давший нам Тору...и жизнь вечную взрастивший среди нас".(6) Но какое блаженство уготовано душам праведников, уходящих в Мир истины? Мы узнаем об этом, когда поймем истинное значение слов Торы: "Вещи, скрытые от людей в этом мире, станут ясными и прозрачными, как хрустальные шары".

Рабби Шимон знал, что вечность достигается не теми, кто меняет время на пространство, а лишь теми, кто умеет наполнять свое время духовностью. Для него главную проблему создавало не пространство, а время. Его задача состояла в том, чтобы преобразовать время в вечность, а не наполнять пространство зданиями, мостами и дорогами. И он решал эту задачу учебой и молитвой, а не с помощью геометрии и технического планирования.

Примечания.

1. В качестве примера можно привести надпись на мидийской гробнице: "Я – девица из бронзы и я покоюсь в гробнице в Мидии. Пока течет вода, и растут большие деревья, и солнце восходит и светит, и луна сияет, и текут реки, и море омывает берега, я буду говорить путникам с этой забрызганной слезами гробницы: здесь погребена Мидия".

2. Определение "urbs aeterna", вечный город, встречается еще у Тибулла. Впоследствии его часто употребляли в официальных документах империи. В то же время Иерусалим нигде не называется "ир олам". При владычестве греков эпитет вечности относился исключительно к Б-гу, например, "рибон а-олаим", Владыка миров. Правда, у пророков Ишаягу, Иехезкеля и Иермиягу встречается еще выражение "ам олам", вечный народ. Название кладбища "бейт-олам", дом вечности, который мы встречаем в книге Козлет (Экклезиаст), имеет более древнее восточное происхождение;

3. Такую же критику в адрес римских властей высказывали и в кругах рабби Йоханана бен Закая. Зато рабби Шимон бен Лакиш отзывался с похвалой о Римской империи;

4. Старый девиз гласит: "Удовольствия преходящи, почести бессмертны";

5. См. высказывание рабби Акивы, учителя рабби Шимона бен Йохая, в трактате "Пиркей авот", 3:14;

6. Это благословение произносят в синагогах перед чтением свитка Торы.

ГЛАВА 4. ТОЛЬКО НЕБО И БОЛЬШЕ НИЧЕГО?

Презрительное отношение рабби Шимона к суете этого мира было порождено не отчаянием. За его категорическим отрицанием мирской жизни можно различить тоску по вечным ценностям и искреннее возмущение при виде людей, растрачивающих свою жизнь на погоню за эфемерными, преходящими радостями и не стремящихся к вечной жизни. В его безграничной любви к вечности не было места среднему пути, компромиссу. Вся его жизнь была подчинена одной цели – изучению Торы, единственного средства достижения вечного блаженства: "Да не отойдет эта книга Учения от уст твоих, и размышляй о ней днем и ночью" (книга Иешуа, 1:8). Каждый пропущенный час учебы означал невосполнимую потерю в грядущей вечной жизни, фактически, частичное самоубийство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что рабби Шимон считал всякую будничную работу, не связанную с Торой, тяжелым прегрешением.

Современник рабби Шимона бен Йохая, известный вероотступник Элиша бен Абуя отстаивал противоположное мнение. Очарованный светской культурой эллинизма, он обходил еврейские школы и призывал учащихся отказаться от изучения Торы, убеждал их заняться другими предметами, имеющими практическое значение:

"Вон отсюда, лентяи, не тратьте бесцельно время. Займитесь нормальной работой: ты станешь плотником, а ты – каменщиком, ты – портным, а ты – рыбаком".

Рабби Шимон, отрекшийся от материального мира, и Элиша, влюбленный в ценности этого мира, занимали две крайние позиции. Большинство их современников не поддержали ни того, ни другого. Святой мудрец рабби Иегуда бен Илай, отозвавшийся с похвалой о римлянах во время беседы с рабби Шимоном, отверг его неумеренные требования к человеку. Сам рабби Иегуда был склонен к самоотречению и аскетизму в своей личной жизни. "Я не хочу получать никаких удовольствий в этом мире", – сказал он однажды. Но другим он советовал выбрать средний путь, который считал идеальным. Жизнь похожа на две дороги: одна пылает огнем, а другая – покрыта льдом. "Если пойдешь одной дорогой, то обожжешься, другой – замерзнешь. Что же делать? Идите средним путем".

Совсем иного мнения придерживался рабби Шимон. "Тора говорит: "И соберешь ты хлеб твой" (Дварим 11:14)" – чему учат нас эти слова? Поскольку сказано: "Да не отойдет эта книга Учения от уст твоих, и размышляй о ней днем и ночью" (Иегошуа 1:8), можно подумать, что данное наставление следует понимать так, как оно написано (а именно, что нельзя тратить время ни на какую другую деятельность, в том числе на добычу пропитания); поэтому нам дано еще одно указание: "И соберешь ты хлеб твой", т.е. от нас требуется также заниматься и мирскими делами. Так говорил рабби Ишмаэль. Но рабби Шимон сказал: "Разве может человек пахать во время пахоты, сеять во время сева, жать во время жатвы, молотить во время молотьбы и веять зерно в период веяния? – Что будет тогда с Торой?"

Рабби Шимон и его сын представлены в этой истории как антиподы Прометея. Когда Зевс отомстил людям, лишив их огня, Прометей похитил огонь и вернул его на землю. Он спрятал пламя в полый стебель и научил людей техническим ремеслам. В заслугу этого подвига его провозгласили основателем цивилизации. И за это же он был наказан богами: его приковали цепями к скале; каждый день к нему прилетал орел и выклевывал у него печень, которая заживала ночью до следующего прилета. В отличие от Прометея, рабби Шимон хотел отобрать огонь у людей; он упрекал их в занятости сельскохозяйственным трудом, в стремлении освоить искусство земледелия. Но Глас Небесный осадил рабби Шимона и наказал его: вернул в пещеру еще на двенадцать месяцев.

Самый загадочный эпизод происходит в конце этой истории. После двенадцати лет, проведенных в пещере и целиком посвященных изучению Торы и молитвам, два праведника не изменили своего отрицательного отношения к мирской жизни. Но после того, как Б-жественный голос осудил их за это, и проведя еще двенадцать месяцев в пещере в наказание за свое упрямство, рабби Шимон перестал испытывать неприязнь к окружающему миру. Однако его сын рабби Элазар даже тогда не примирился с материальной деятельностью людей. Лишь после того, как им встретился "старик", который нес две связки миртовых ветвей в честь Шаббата, в их душах наступило, наконец, умиротворение. Почему именно эта сцена дает ключ к решению трагической проблемы, с которой сталкивается цивилизация?

Рабби Шимон придерживался такой концепции: на свете есть только Небо и больше ничего. Но Небо возразило ему: "Есть Небо и все остальное". Его воинственный пыл был нейтрализован небесным Гласом: "Неужели ты вышел из пещеры для того, чтобы уничтожить мой мир?" То, что осуждал рабби Шимон, было одобрено Гласом с небес.

Но лишь покинув пещеру после второго срока уединения, рабби Шимон и его сын примирились, наконец, с мыслью, что мир по эту сторону небесного свода стоит того, чтобы вложить в него свой труд. Что побудило их изменить свое мнение?

На них повлиял "старик", символизирующий народ Израиля. Он шел встречать Субботу, держа в руках пучки миртовых ветвей, как будто Суббота была его невестой.

В древности мирт считался символом любви – это растение дарили невесте. Идя к друзьям, чтобы пригласить их на свою свадьбу, жених брал с собой ветви мирта. В некоторых местах на брачной церемонии читали благословение на мирт. Для невесты делали навес из мирта, а жених надевал гирлянду из роз или миртовых листьев.(1) Существовала также традиция устраивать для невесты танцы с миртовыми ветвями. Сподвижник рабби Шимона бен Йохая рабби Иегуда бен Илай, участвовавший в дебатах о римской цивилизации, славился тем, что стремился доставлять радость каждой невесте. Он приносил миртовые ветви на свадьбу и танцевал перед невестой, восклицая: "Как прекрасна и грациозна невеста!"(2) "Старик", спешивший перед закатом солнца встретить Субботу, держал в руках два пучка миртовых ветвей (3). Тем самым он олицетворял еврейский народ, приветствующий Субботу как невесту.(4)

Для римлян благо их технической цивилизации было высшей целью; время подчинялось пространству. Но рабби Шимон отстаивал приоритет духовной жизни. В его представлении, время должно было служить не пространству, а вечности. В итоге он утешил себя простой мыслью: несмотря на увлечение преходящими

ценностями, народ Израиля будет спасен благодаря своей особой судьбе, своей сверхзадаче, которая несравненно выше всех других интересов и обязательств – эта сверхзадача заключается в соблюдении Шаббата.

Именно здесь мы находим ответ, помогающий решить кардинальную проблему цивилизации: надо не бежать от пространства, а трудиться над тем, что составляет его "обстановку", но при этом любить вечность. Материальные вещи – это наши инструменты; вечность, Шаббат – наши партнеры. Удел Израиля – вечность. Хотя евреи посвящают мирским делам шесть дней в неделю, их душа принадлежит только Седьмому дню.

Примечания.

1) Ивритское название мирта "хадасса" было первоначальным именем красавицы Эстер (см. Книгу Эстер, 2:7). В поэзии рабби Галеви невеста называется "текущим миртовым деревом среди деревьев Райского сада". В греческой мифологии мирт был любимым растением Афродиты и символом любви;

2) Рабби Шмуэль, сын рабби Ицхака танцевал, держа три ветки. Сказал рабби Зера: "Старик позорит нас". Когда рабби Шмуэль умер, поднялся столб огня, отделивший его от земного мира. Традиция гласит, что такого отделения огненным столбом удостоиваются только один-два человека в поколении;

3) Мирт считается субботним растением (в книге "Сефер хасидим" сказано, что "Шаббат нуждается в мирте"). Следуя примеру известного каббалиста Ицхака Лурии, многие берут в пятницу вечером два пучка миртовых ветвей, произносят благословение на них и вдыхают их благоуханный аромат.

В конце Шаббата, когда дополнительная субботняя душа покидает тело, надо освежиться запахом ароматических трав, ибо в этот момент "душа и дух разлучаются, и их охватывает печаль, пока не приходит благоуханный запах и не соединяет их снова вместе, и тогда они утешаются" (Книга "Зоар", стр.35 и далее). По мнению автора "Толаат Яаков" Ибн-Габбая, мирт – самое предпочтительное растение для этой цели. В Талмуде часто говорится об использовании ароматических трав для церемонии "авдалы", отделения субботы и праздников от будней, причем мирт ни разу не упоминается в этой связи. Среди евреев до сих пор распространен обычай читать во время "авдалы" благословение на ароматические травы, которые помещают в специальную коробочку или футляр;

4) Когда "старик" сказал, что он держит два пучка с ветками мирта в честь Субботы, рабби Шимон спросил его: "Но разве не достаточно тебе одного пучка?" На что старик ответил: "Один пучок для "помни", а второй – для "соблюдай". Он имел ввиду два разных слова, с которых начинается заповедь Шаббата в двух вариантах Десяти заповедей, изложенных в Торе (Шмот 20:8 и Дварим 5:12). Старая мистическая традиция утверждает, что "помни" относится к мужскому началу, а "соблюдай" – к женскому. Вероятно, подобные рассуждения натолкнули рабби Шимона на мысль, что Суббота символизирует невесту, а народ Израиля – жениха.

ГЛАВА 5. "ТЫ – ОДИН"

Аллегорическая притча.

Вначале время было единым и вечным. Но такое неделимое, безграничное время не могло сочетаться с пространственным миром. Поэтому время разделилось на семь дней и лишь тогда вступило в тесные отношения с миром пространства. В каждый из первых шести дней Творения возникала новая сфера пространственных объектов и явлений, и лишь в седьмой день ничего не возникло. Шаббат был особым, одиноким днем. Чтобы лучше понять это, приведем притчу о царе, у которого было семь сыновей. Шести из них он завещал свое богатство, а самому младшему, седьмому, передал свой аристократический сан и назначил его своим преемником на трон. Шесть старших сыновей были обычными людьми и быстро нашли себе жен, а сын-аристократ так и остался без спутницы жизни.

Сказал рабби Шимон бен Йохай:

"Когда завершился процесс Творения, Седьмой день взмолился: "Владыка вселенной, все, что Ты создал, существует попарно; каждому дню недели Ты дал партнера; лишь я остался один". Б-г ответил: "Твоим партнером будет община Израиля".

Это обещание не было забыто. "Когда евреи стояли у горы Синай, Г-сподь сказал им: "Помните то, что я сказал Субботе? Община Израиля – твой партнер". И далее произнес: "Помни День субботний, чтобы освящать его" (Шмот 20:8). На иврите слово "лекадеш", освящать, означает также – в понимании Талмуда – посвятить себе женщину, обвенчаться с ней. Поэтому, когда это слово было произнесено на Синае, евреи поняли, что их

коллективная судьба – быть женихом священного дня; они получили заповедь, повелевающую им "обручаться" с Субботой.(1)

При всем своем величии Шаббат не самодостаточен. Его духовной сущности требуется присутствие человека. В мире действуют мощные силы притяжения. Шесть будничных дней нуждаются в пространстве. Седьмой день нуждается в человеке. Духу нельзя быть одному, поэтому Израиль стал спутником и помощником Шаббата.

Чтобы понять значение этой новой концепции, надо знать атмосферу той эпохи. Рабби Шимон принадлежал к тому поколению, которое во главе с Бар-Кохбой подняло восстание против власти Рима. Это была последняя отчаянная попытка вернуть национальную независимость и отстроить Храм в Иерусалиме. Израиль без Святилища чувствовал себя одиноким в мире. Восстание было подавлено, и тогда многим стало ясно, что борьбу за свободу не удастся возобновить. Пространственному Святилищу было суждено лежать в руинах многие-многие годы. Но идея рабби Шимона провозглашала, что Израиль не одинок, что он находится в постоянном контакте со святостью и вечностью. Эта связь была установлена еще задолго до начала истории; союз Израиля с Субботой никто не мог расторгнуть. То, что соединил Б-г, невозможно рассоединить.

Вопреки официальной доктрине Рима, обожествлявшей императора, рабби Шимон превозносил самые абстрактные вещи: время, седьмой день. В еврейской традиции изначально заложено отвращение к любому культу личности, к персонификации, но в ее аллегориях персонифицируется мудрость Торы. Отвага рабби Шимона заключалась в том, что он прославлял день, единицу времени, и провозглашал тесный союз между Израилем и Шаббатом.

Концепция рабби Шимона наводит на мысль, что отношения человека с духовной субстанцией не односторонни, что в них есть взаимность. Шаббат – это не только свод постановлений, состояние души и форма поведения, но и особый процесс, протекающий в мире духа. В истоках времени была изначально заложена тяга Шаббата к человеку.

Благодаря рабби Шимону свет великой идеи отразился в зеркале слова, определяющего судьбу народа и ход истории. Его идея не осталась теорией; она стала открытием, определившим дальнейший ход истории. Укоренившись в еврейской душе, она в течение многих веков находила выражение в его мыслях, песнях и обычаях.

Всего через два поколения после смерти рабби Шимона празднование Седьмого дня приобрело новые интонации. С середины третьего века выдающиеся мудрецы начинают говорить о Шаббате не как о временной абстракции, неуловимой и всегда проносящейся мимо нас, помимо нас. Этот день обрел живую плоть. Когда он наступал, мудрецам казалось, что к ним пришел гость. Но гостю, пришедшему с миром, с дружескими намерениями и уважением к хозяину, надо оказать достойный прием. Рассказывают, что именно в те годы рабби Янай ввел традицию надевать лучшие одежды в канун Субботы и торжественно приветствовать гостя, точнее, гостю из духовного мира: "Приходи, Невеста! Приходи, Невеста".(2) О его современнике рабби Ханине Великом мы знаем, что в пятницу на закате солнца он облачался в красивые одеяния и пускался в пляс. Друзья с изумлением смотрели, как он кружится в танце, восклицая: "Вставай, пойдём встречать царицу Субботу!"(3)

У Шаббата, как и у нашего мира, есть два аспекта. Шаббат важен для человека и важен для Б-га. Он поддерживает связь и с тем, и с Другим, и является знаком заключенного между ними соглашения, Завета. В чем суть этого знака? В том, что Б-г освятил этот день, а человек должен раз за разом повторять это освящение, освящать Шаббат светом своей души. Шаббат удостоился святости от Б-га, по Его великой милости, но он продолжает нуждаться в дополнительной святости, которой его может наделить только человек.

Шаббат значим для Б-га, ибо без него не было бы святости в мире времени. Анализируя стих из Торы "и завершил Б-г в День седьмой работу свою" (Берешит 2:2), мудрецы высказали предположение, что акт Творения происходил и в седьмой день. Мир был бы неполным, если бы шесть дней не увенчались Шаббатом. Эта тема обсуждалась в беседе Генибы и мудрецов. Гениба сказал: "Для сравнения я приведу пример. Некий царь готовил покои для своей невесты; рабочие штукатурили, красили, украшали комнаты. Получилось очень красиво. Но супружеским покоям чего-то не хватало. Чего же? – Самой невесты! Так же и здесь. Чего не хватало вселенной после шести дней Творения? – Шаббата! Мудрецы говорили: "Представь себе царя, заказавшего себе перстень. Чего не хватало этому перстню? Царской печати! Теперь ясно, чего не хватало вселенной. – Конечно, Шаббата".

Шаббат – это невеста, а его встреча похожа на свадьбу.

Мы учим в Мидраше, что Шаббат подобен невесте. Когда невеста идет к своему жениху, она пленительна и нарядна, на ней лучшие украшения, и от нее исходит аромат лучших духов. Так же и Суббота приходит к евреям в своем лучшем одеянии, прекрасная и благоуханная. В Торе сказано: "А в седьмой день Он прекратил работу и почивал" (Шмот 31:17). И тут же мы читаем: "И дал Он Моше "кехалото". Слово "кехалото" означает — "когда Он закончил", но его можно понять и совсем иначе: "как свою невесту". Отсюда следует, что Шаббат подобен невесте — он, как невеста, прекрасен и сияет украшениями; а еврей с наступлением Шаббата становится похож на жениха — на нем лучшие одежды, и он, как жених на свадьбе, веселится и радуется в День субботний; жених не работает в день своей свадьбы — еврей тоже прекращает работу в Шаббат. Поэтому мудрецы называли Субботу невестой.

Указание на это сходство мы находим в субботних молитвах.

Во время вечерней молитвы говорят: "Ты освятил День седьмой", имея в виду и обручение невесты с женихом (на иврите "освятить" имеет также значение взять девушку в жены, заключить брак).

В утренней молитве читают: "Возрадовался Моше дарованному уделу" (Шаббату) — точно так же жених радуется своей невесте. В дополнительной молитве (мусаф) упоминаются два жертвенных ягненка, тонкая мука для хлебного дара, смешанная с оливковым маслом, и вино для возлияния на жертвенник. В этом наборе продуктов можно увидеть сходство с угощениями, которые подают на свадебном банкете: мясо, хлеб, вино и растительное масло. И наконец, во время дневной молитвы незадолго до завершения Субботы мы произносим: "Ты — Один", что соответствует завершающей стадии брачной церемонии, когда жених и невеста становятся единой семьей.(5)

Примечания.

1) Предлагаемое здесь толкование носит аллегорический характер. Связь Израиля с Б-гом — это, с одной стороны, исторический факт, а с другой стороны, интимное таинство, как в отношениях между супругами. Рабби Шимон бен Йохай видел в Шаббате магическое свидетельство этой связи. Он говорил: "Все мицвот, все заповеди Всевышний дал евреям публично, открыто — кроме Шаббата, который был дарован наедине, как сказано в Торе: "Между Мною и сынами Израиля это знак для Израиля "ле-олам" (Шмот 31:17). Применительно к связи двух людей, слово "между" означает на иврите близость мужа и жены. Слово "ле-олам" (навечно) написано в этом стихе таким образом, что его можно прочесть с другой огласовкой — "ле-алем", хранить в тайне;

2) См. Вавилонский Талмуд, трактат "Шаббат", 119а. Рабби Янай жил вначале в Сефорисе. Позже мудрецы обнаружили скрытую связь между понятиями Шаббат и невеста в слове "ваиколу" (Берешит 2:1);

3) См. трактат "Шаббат", 119а. Рабби Ханина бен Хама из Сефориса умер около 250 года н.э. В том, что Субботу называют иногда "невестой", а иногда "царицей", нет, конечно, никакого противоречия. Старая еврейская поговорка гласит: "Жених подобен царю". В каббалистической книге "Зоар" сказано: "Суббота - это царица и одновременно невеста". — Но если этот день — невеста, то кто же царь? Мудрецы, которых мы ранее цитировали, не дают ответа на данный вопрос. Рабби Шимон бен Йохай считает, однако, что Суббота — подруга Израиля. Со временем эта мысль приобрела новое значение. Рабби Йоханан, живший в третьем столетии, называет Субботу царицей Б-га. Рабби Йоханан, ученик рабби Ханины Великого и рабби Яная, был выдающимся мудрецом своего поколения; он возглавлял академию в Тверии и умер в 279 году н.э.

Эта метафора была подхвачена и другим выдающимся мудрецом третьего столетия, жившим в Эрец-Исраэль — рабби Леви, учеником и современником рабби Яная. Он так объяснял закон, повелевающий обрезать новорожденных мальчиков только на восьмой день: "Представьте, что царь приезжает в одно из своих владений и объявляет: "Ни один из собравшихся не увидит мое лицо, пока им не откроется вначале лицо моей избранницы". Эта избранница и есть Суббота. Поскольку один из первых семи дней жизни ребенка обязательно выпадает на Шаббат, он, как правило, успевает вступить в завет Шаббата, прежде чем вступит в завет обрезания. В последующие века утвердилась вторая концепция: Суббота — невеста, а Б-г подобен жениху. Шаббат представляет собой союз невесты с ее небесным Супругом. Рабби Давид Абудрахам, живший в испанском городе Севилье около 1340 года, однажды сказал: "Поскольку Суббота и община Израиля — это Невеста, а Б-г

— Жених, мы молим Его: "Помоги нам уподобиться Твоей невесте и чтобы Твоя невеста нашла утешение в Тебе, как сказано в (сборнике мидрашей) "Рут раба": "Никто не дает женщине утешение кроме ее мужа".

В том же значении слово "невеста" употребляют и в субботнем гимне "Леха доди". Шаббат — это синоним Шехины, Б-жественного Присутствия в мире. Автор классических комментариев Раши, боясь неправильного понимания этой женской метафоры, пытался лишить ее всякого буквального значения. Он менял род или сам объект метафоры. Рабби Ханина, писал он в талмудическом трактате "Бава кама" (32а), вел себя так, "как будто он шел встречать Царя". Или: "Из любви к Субботе, он называет ее "царицей" (трактат "Шаббат" 119а).

Там же Раши утверждает, что рав Нахман бар Ицхак приветствовал Шаббат, "как приветствуют своего учителя". Слово "царь" употреблял и Рамбам.

Первым идею романтической любви и брака в описании отношения Б-га к еврейскому народу ввел пророк Ошеа. По его словам, Б-г обручен со Своим народом и любит его, как муж любит свою жену (3:1). Однако сравнение с любовью жениха к невесте принадлежит не ему, а другому пророку – Ишаягу: "Как радуется жених невесте, так возрадуется тебе Б-г твой" (62:5). Рабби Берахья перечислил десять мест в Торе, где Б-г обращается к Израилю как к невесте.

Эта идея глубоко укоренилась в еврейской душе на протяжении последующих эпох. Она наполнила благочестие возвышенной поэтикой, наиболее ярко проявив себя в величайшей песне любви, какую знало человечество, – в "Песни песней".

"Песнь песней" можно понимать только в одном значении: это диалог между еврейской нацией, невестой Б-га, и Самим Б-гом, ее Возлюбленным. В ней иносказательно изложена вся история Израиля от Исхода из Египта до конца дней, когда придет Машиах.

В Мидраше дарование Торы у горы Синай называется обручением Б-га и Израиля. "И вывел Моше народ из стана навстречу Б-гу (Шмот 19:17). Сказал рабби Йосе на этот стих: "Г-сподь от Синая пришел" (Дварим 33:2), чтобы встретить Израиль, как жених выходит навстречу невесте".

Впрочем, есть существенная разница между тем, как используют метафору невесты мудрецы и как ее приводит пророк Ишаягу. В словах пророка Израиль зовется невестой, и инициатива, внимание целиком исходят от Б-га. А по образному сравнению мудрецов, невестой является не Израиль, а Шаббат; поэтому инициатива и внимание должны исходить от человека;

4) Гениба был современником Аббы Арики, умершего в 247 году;

5) В книге Аль Накава "Менорат а-маор", ч.2, с.191 сказано: "Шаббат фактически обручен с народом Израиля, и церемония встречи Шаббата похожа на брачную церемонию, особенно в тот момент, когда жених ведет невесту в комнату уединения. Субботу называют также Царицей, потому что она – царская невеста, а все евреи – принцы. Вот почему рабби Ханина восклицал на закате солнца, когда наступал Шаббат: "Пойдемте встречать царицу Субботу!" – ибо принято, чтобы жених шел навстречу своей невесте. Иначе вел себя рабби Янай. Он не призывал идти встречать невесту, а, наоборот, оставался на месте, и когда она приходила, он говорил: "Входи, невеста! Входи невеста!" Именно так после брачной церемонии невеста приходит из дома своего отца в дом жениха".

ГЛАВА 6. ПРИСУТСТВИЕ ДНЯ

Каково же значение этих хвалебных метафор и эпитетов? Они обращены ко времени – неосязаемой, нематериальной сфере. Отмечая Шаббат, мы выражаем тем самым свою любовь и преданность тому, что не можем увидеть. Когда мы называем Шаббат царицей, невестой, мы лишь подчеркиваем его реальность, убеждаем мир, что это не пустой промежуток времени, который мы решили отвести для посленедельного отдыха и восстановления сил.

Но, возможно, мудрецы представляли себе Шаббат в образе ангела или духовной личности? (1) Религиозная мысль не склонна к ассоциациям, чересчур близким нашему воображению. В данном случае метафорическая концепция Шаббата не содержала в себе опасности обожествления седьмого дня, его отождествления с ангелом или каким-нибудь внеземным, бесплотным существом. Иудаизм не признает никаких посредников между Б-гом и человеком – даже священный день не может претендовать на эту роль.

Представление Шаббата в виде царицы или невесты не вело к созданию ментального образа, чего-то такого, что можно нарисовать в своем воображении. Иначе говоря, наш разум не рисует никакой картины, соответствующей этой метафоре. Сей образ не обрел даже форму четкой концепции, позволяющей делать логические выводы, и не возвысился до уровня догмы, объекта веры. Тот же самый рабби Ханина, который встречал Субботу как прекрасную царицу, сравнил однажды этот день с царем.(2)

Нельзя утверждать, что мудрецы пытались персонифицировать Шаббат, выразить словами те образы, которые рождал их разум, – это было бы явным упрощением. Между персонификацией единицы времени и ее представлением в виде царицы или невесты такая же огромная разница, как между попыткой сосчитать всех живых существ и их суммарной характеристикой с помощью термина "вселенная". Мудрецы не верили, что

седьмой день наделен какими-то человеческими свойствами, например, фигурой или лицом; их идеи не были результатом визуальной или словесной иконографии. Они редко шли дальше трепетного отношения к одному лишь определению "царица" или "невеста", причем вовсе не из-за нехватки воображения, а потому что те идеи, которые они стремились выразить, были куда значительнее и шире картины, которую могли нарисовать разум и описать уста.

Для большинства из нас человек, личность - это высшая форма бытия, вершина реальности; мы думаем, что персонификация идеи равносильна ее прославлению. Но в глубине души мы догадываемся, что человек – это не апофеоз, что, персонифицируя духовную реальность, мы принижаем ее. Персонификация часто бывает порождена заблуждениями и недооценкой. В мире много "персон", но только один Шаббат.

Представление Шаббата в виде царицы или невесты – это не персонификация, а словесная иллюстрация одного из Б-жественных качеств – потребности Творца в человеческой любви; в ней показана не суть Б-га, а Его присутствие, Его отношение к человеку.

Такая метафорическая иллюстрация не констатирует факт; она выражает некую ценность, облекая в слова высокое значение самого Шаббата. Соблюдение Седьмого дня – это нечто большее, чем правила выполнения заповеди. Шаббат свидетельствует о присутствии Б-га в нашем мире, открытом для человеческой души. Душа получает возможность откликнуться с любовью на это присутствие, вступить в братское содружество со священным днем.

Седьмой день наполнен прелестью и величием. Он служит объектом поклонения, внимания и любви. В пятницу вечером, когда мир вот-вот наполнится атмосферой Субботы, наш разум, вся душа и даже органы речи проникаются трепетом и радостью. Как это выражается в словах? Для тех, кто не приемлет вульгарности, кто бережет свою речь от грязи, слова "царица", "невеста" пропитаны величием, благородством с некоторой дозой милосердия, застенчивой невинности, жаждущей любви.

Образ Субботы-невесты был любовно сохранен еврейским народом. Эта тема звучит в субботнем гимне "Леха доди", который поют в синагогах. Даже освящение Шаббата над бокалом вина тесно связано с этим образом: брачная церемония совершается с вином, а Суббота – это "невеста, вступающая под хупу". Неслучайно по окончании Шаббата мы проводим дополнительную трапезу под названием "провода царицы".

Но для чего мы затягиваем празднование Шаббата уже после захода солнца и наступления будней? Такая затяжка неслучайна. Тем самым мы хотим поблагодарить Субботу, показать, что мы неохотно расстаемся с нашей высокой гостьей, что прощание глубоко печалит нас. Вот почему мы задерживаем Субботу и с глубокой любовью провожаем ее гимнами и хвалебными речами, как сказано в мидраше: "Субботу можно сравнить с невестой и царицей, которую провожают песней и хвалой".

Пятничная вечерняя молитва называется "каббалат Шаббат". Что означает это выражение? Под словом "каббала" обычно имеется в виду принятие на себя какого-то обязательства. В этом значении оно подразумевает строгость и сдержанность. Но в глагольной форме "каббала" означает также – получать, встречать, приветствовать (см. трактат "Пиркей авот" 1:15, 3:12). В первом значении слово "каббала" относится к закону; во втором – к человеку. Но каков его смысл, когда речь идет о Шаббате?

Как уже отмечалось, в средневековых источниках слова "каббалат Шаббат" применялись исключительно в первом значении – как принятие на себя обязанности отдыхать, прекратить будничную работу. Есть, однако, свидетельства, что в еще более ранние эпохи данное выражение употреблялось в значении встречать, приветствовать Субботу. (3) Какое же из двух значений мы вкладываем в это привычное словосочетание – "каббалат Шаббат"?

Ответ прост: и то, и другое. Выражение "каббалат Шаббат" содержит в себе как юридический, так и духовный аспекты, неотделимые друг от друга. Особый характер Субботы отражен именно в этом двойном значении "каббалат Шаббат", требующем от нас принять на себя субботние законы и приветствовать само присутствие этого дня. Короче, Суббота представляется нам в двух лицах: строгой царицы и желанной невесты.

Примечания.

1) Персонификация Шаббата характерна только для фалашей (эфиопских евреев). В их представлении Шаббат – это любимый ангел Всевышнего, которому поклоняются и поют хвалебный гимн все другие ангелы;

2) Рабби Иегошуа бен Хананья говорил: "Когда праздник выпадает на следующий день после Шаббата (начинается в субботу вечером), надо произносить два благословения: одно для прощания с Шаббатом

("авдала") и другое – для встречи праздника ("кидуш"). Вначале читают "авдалу", а затем "кидуш". Объясняя такой порядок благословений, рабби Ханина говорил: Час завершения Шаббата и наступления праздника можно сравнить с ситуацией, когда из города уезжает царь и одновременно ему на смену прибывает губернатор. Вначале надо проводить царя и лишь затем идти встречать губернатора (см. талмудический трактат "Песахим", 103а).

3) "Когда приходит Шаббат, мы встречаем его песней и мелодией", – сказано в "Мидраш теиллим". Согласно общепринятому мнению, литургия встречи Шаббата включает в себя чтение псалмов 95, 96, 97, 98, 99 и 29. Утверждение, что этот порядок был установлен в конце XVI века каббалистами Цфата, довольно спорно. Еще Аль Накава, живший в Испании и убитый в 1391 году, упоминал обычай чтения псалма 96 с приходом Шаббата, который он называл "мовэй Шаббат" (возможно, по аналогии с "моцей Шаббат", исходом Субботы). Такой подбор псалмов объясняется, по-видимому, тем, что в них упоминается всевластие Творца. Образ Субботы-невесты тесно связан с идеей Б-жественного могущества. Та же мысль звучит и в строке из дополнительной субботней молитвы ("мусаф"): "Те, кто хранит Шаббат, те, кто зовут его наслаждением, возрадуются Твоему царствию".

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА 7. ВЕЧНОСТЬ ДАРУЕТ ДЕНЬ

Шесть дней в неделю дух пребывает в одиночестве и забвении. Занятый добыванием хлеба насущного, погруженный в свои заботы и тревоги, человек не думает о вечности. Но дух не отступает – он ждет своего часа, когда человек вспомнит о нем.

И вот наступает шестой день. Повседневные заботы и суета сменяются радостным возбуждением, которое обычно предшествует важному событию. Шаббат еще не наступил, но мысли о его скором приходе будоражат сердце нетерпеливым ожиданием, побуждают нас готовиться к его достойному приему.

"Каждый человек обязан проявлять особое рвение в подготовке к Субботнему дню, действовать проворно и усердно, как если бы ему сказали, что в его доме будет гостить царица или что к нему в гости придет невеста в сопровождении родственников и подруг. Как будет вести себя человек, получив такое известие?"

Он несказанно обрадуется и воскликнет: "Какая честь оказана мне и моему дому!" Он соберет слуг и скажет им: "Приведите в порядок весь дом. Везде вымойте, вычистите. Приготовьте постели для высоких гостей, а я тем временем пойду купить хлеба, мяса и рыбы – все необходимое, чтобы достойно принять их". Хозяин сам отправится покупать продукты и готовить субботнюю еду, даже если в его распоряжении тысяча слуг".

В Книге "Сефер хасидим" сказано: "Что может сравниться в величии с Субботой, которую мы встречаем, как невесту и царицу, которую мы зовем желанной. Хозяин дома должен лично сделать в тысячу раз больше того, что он уже сделал, готовясь к Шаббату, даже если у него сотня слуг".

"Так поступал рабби Иегуда бен Илай: в канун Шаббата ему приносили таз с горячей водой; он мыл лицо, руки и ноги, заворачивался в льняные одежды с бахромой и сидел, как ангел из воинства Г-спода".(1)

"В пятницу рабби Хамнуна шел на реку (чтобы искупаться), затем он отдыхал на берегу и, воздевая глаза к небу, с упоением говорил, что ему открывается великолепное зрелище – ангелы восходящие и нисходящие. По его словам, каждый раз с наступлением Шаббата человек попадает в мир, где обитают души. Счастлив тот, кто постигает таинства Г-спода".(2)

С наступлением Субботы вся работа прекращается и в домах зажигают свечи. Как известно, процесс Творения начался со слов "Да будет свет"; празднование юбилея Творения тоже начинается со света – с зажигания свечей. Эта процедура возложена на женщин. Именно они, еврейские женщины, приводят в дом радость, их руками создается ее самый изысканный, утонченный символ – свет, который задает настроение в доме, согревает его атмосферу.

Мир наполняется покоем. В час наступления Шаббата наши мысли уходят от будничной суеты. Семьи собираются за столом, чтобы вместе встретить чудо Седьмого дня, и он распространяет свое присутствие на поля, леса, проникает в наши дома и сердца. В этот момент пробуждаются наши дремавшие всю неделю души и тянутся к своему Источнику.

Свежие и обновленные, облаченные в праздничные одежды, мы радуемся под волшебное мерцание свечей исполнению невысказанных ожиданий, интуитивно чувствуем близость вечности, от которой нас отделяет лишь тонкая вуаль. Как жаль, думаем мы, что нашим душам не хватает размаха и величия, чтобы описать словами открывшееся нам зрелище грандиозного слияния времени и вечности. Нами овладевает непреодолимое желание петь – для себя, для всех людей, для всех поколений. Есть традиция читать в канун Субботы самую прекрасную из всех песен – Песнь песней. Сколько в ней древней верности, какая непередаваемая концентрация духовности заключена в ее священных словах. Это песнь любви к Б-гу, песнь страсти, тоски и робкого оправдания.

"Положи меня печатью на сердце твое,
Печатью на руку твою;
Ибо сильна, как смерть, любовь,
И как могила – люта ревность;
Ее уголья – это уголья пламени,
Самого яростного пламени.
Никакие водопады не смогут погасить любовь,
И никакие потоки не затопят ее;
Если человек отдаст все богатство своего дома за любовь,
От него с презрением отвернутся.

Мысль пронеслась ураганом, сметя рыночную площадь. В воздухе звенит песня и радость играет листвою деревьев. Шаббат приходит в мир, распространяя песню в ночной тишине; вечность дарует день. Где подыскать слова, которые могли бы выразить эту грандиозную силу?

Глас Г-спода – над водами...
Глас Г-спода могуч;
Глас Г-спода полон величия...
Он обнажает леса;
И в храме Его все будут возглашать Ему славу.

Мы все идем встречать Царицу, поем серенаду Невесте.

Выйди, друг мой, навстречу Невесте!
Мы вместе с тобой встретим Субботу!

Сион лежит в развалинах, Иерусалим – в прахе. Всю неделю в нас живет лишь надежда на спасение. Но когда Суббота вступает в мир, кажется, что момент спасения настал. Как будто дух самого Машиаха прошелестел по лицу земли.

Святынище Владыки, Царская столица!
Поднимись и восстань из руин –
Полно тебе пребывать в юдоли плача...
Отряхни прах с ног своих и восстань!
Облачись в одежды великолепия своего, народ мой...
Не придется тебе больше стыдиться,
Не придется терпеть позор.
Что горбишься ты?
Что рыдаешь?
Под кровом твоим найдет приют мой страдающий народ;
Будет отстроен город на прежнем месте своем...
Возрадуется тебе твой Б-г,
Как жених радуется невесте.

Перед заключительной строфой все встают, поворачиваются лицом к западу, как будто в ожидании невидимой гостьи, и, склонив голову в знак приветствия, возглашают:

Приди же с миром, Суббота, – царский венец мужа своего,
Приди с радостью и ликованием
В общину верных Всевышнему, к избранному народу!
Приди, Невеста, приди, Невеста!

Шаббат приходит, как нежный ветер; он сметает страх, горечь и мрачные мысли. Нами овладевает радость, когда на землю опускается субботний вечер, когда в наши смертные тела вселяется дополнительная душа, душа Субботы.

Нам трудно подыскать слова благодарности, и мы говорим:

Мудростью Своею ты открываешь небесные врата...
Меняешь время суток...
Удаляешь свет перед тьмой...
И отделяешь день от ночи.

Но есть тут нечто более грандиозное, чем одно лишь чудо управления вселенной – это дух. В Его мире мы чувствуем Его мудрость; в Его духе мы видим Его любовь.

Любовью вечной возлюбил Ты народ Свой, дом Израиля,
Торе и заповедям научил Ты нас.
И да не покинет нас вовек любовь Твоя!

Затем мы читаем вечные слова молитвы "Шма", в которой Моше призывает нас отвечать взаимностью на любовь Всевышнего.

Люби Г-спода, Б-га твоего, всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем существом своим...

И вновь Творец обращается к нам:

Помните все заповеди Г-спода и исполняйте их, и не будете вы блуждать, влекомые сердцем и глазами вашими, как блуждаете вы ныне.

Я, Г-сподь, – Б-г ваш, Который вывел вас из страны Египетской, чтобы быть вашим Б-гом; Я, Г-сподь, – Б-г ваш.

Мы тут же отвечаем Ему:

Истинно и несомненно все это,
что Он, Г-сподь – Б-г наш, и никто другой, и мы Израиль – народ Его.

Если бы нам только хватило духовных сил понять, осознать все величие Его могущества, принять сердцем Его царствие... Но разум наш слаб, и дух непрочен.

Раскинь над нами Свой мирный полог,
Направь нас Своим верным указанием...
Спаси нас ради Имени Твоего.

Примечания.

1) Вавилонский Талмуд, трактат "Шаббат", 25б. По мнению некоторых каббалистов, традиция омыться руками и ногами в канун Шаббата восходит к священникам Иерусалимского Храма, которые были обязаны совершать такие омовения перед началом своей нелегкой и ответственной службы;

2) Книга "Зоар", часть III, лист 136б. Цитаты, приведенные далее в этой главе, взяты из "Песни песней" (8:6,7) и вечерней субботней молитвы.

ГЛАВА 8. ИНТУИЦИЯ ВЕЧНОСТИ

Еще в древности говорили, что Шаббат и вечность – одно и то же, что они обладают единой сущностью.(1) Легенда повествует, что, "давая Тору евреям, Б-г сказал: "Дети Мои! Если вы примете Тору и будете соблюдать Мои заповеди, Я дам вам навечно самую драгоценную вещь, какая есть в Моей сокровищнице".

Спросили евреи: "Что же это за драгоценность, которую Ты дашь нам, если мы примем Твою Тору и будем соблюдать ее законы?"

- Это Мир грядущий.
- Покажи нам в этом мире образец Мира грядущего.
- Шаббат, – вот образец Мира грядущего".

Традиция утверждает: "Мир грядущий наделен такой же святостью, что и Шаббат в этом мире...А святость Шаббата подобна святости Мира грядущего".

Рабби Акива, учитель рабби Шимона бен Йохая, выразил эту мысль иначе: "Для каждого дня недели у левитов, певших на ступеньках Иерусалимского Храма, была своя песня. В первый день они пели: "Г-споду принадлежит земля"; во второй день – "Велик Г-сподь" и т.д. Наконец, в Шаббат они пели псалом под названием "Хвалебная песнь в честь Субботнего дня", в котором говорится о том, что однажды наступит истинный субботний день, когда люди обретут покой в вечной жизни".

Какой будет эта высшая Суббота? Когда она придет, "не будет ни еды, ни питья, ни мирских хлопот; лишь праведники будут восседать на троне с короной на голове и блаженствовать в сиянии Шехины, Б-жественного Присутствия".

Согласно Талмуду, Шаббат – это "меэн олам а-ба", подобие вечности или Грядущего мира. Перед нами уникальная концепция, чуждая язычникам и близкая еврейскому сознанию: оказывается, седьмая часть нашей жизни может ощущаться как пребывание в раю. Однако некоторые мудрецы, такие как рабби Хаим из Красне, видят в Шаббате нечто большее, чем один лишь отблеск вечности. Рав Хаим считал Шаббат источником ("мааян") вечности, колодецем, из которого черпает силу небесная сфера и текут живительные потоки Мира грядущего.

Если вы не научитесь наслаждаться Субботой в этом мире, чувствовать ее вкус, предупреждал рабби Шломо из Карлина, если вы не оцените здесь блаженство вечной жизни, то вам не удастся насладиться вечностью и в Мире грядущем. Незавидна участь тех, кто придет в новую реальность без нужного опыта и, возносясь к небесам, окажется не в состоянии узреть красоту Шаббата...".

Хотя еврейская традиция не дает определения концепции вечности, она помогает нам ощутить вкус вечной жизни в границах времени. Вечная жизнь не существует отдельно – она "пускает корни внутри нас" и разрастается вширь. Поэтому Мир грядущий – это не только посмертное состояние человека или новое рождение души после ее отделения от умершего тела. Суть Мира грядущего – в вечности Шаббата. Именно Седьмой день являет нам пример вечности в реальном времени.(2) Седьмой день – это предверие седьмого неба. Он дан нам для предвкушения Мира грядущего: "от хи леолам а-ба"; он – знак вечности.

Рассказывают об одном раввине, который однажды попал во сне на небеса. Ему разрешили войти в райский храм, где величайшие мудрецы Талмуда, танаи, проводили свою вечную жизнь. Они сидели за столами и штудировали Талмуд. Раввин был так разочарован, что горестно воскликнул: "Это и есть рай?!" Небесный голос ответил ему: "Ты ошибаешься. Не танаи сидят в раю, а рай сидит в танаях".

Классическая философия могла бы многому поучиться у Торы. Для философа идея добра является самой высокой и благородной идеей. Но для Торы идея добра – это лишь промежуточный пункт, который не может существовать без святости. Добро – это база, а святость – вершина. О вещах, созданных в шесть дней творения, Б-г говорил, что "это хорошо"; седьмой день Он провозгласил святым.

С точки зрения еврейской традиции, человеческое бытие делится не на разум и материю, а на святость и будничность. Мы слишком долго контактировали с будничным и привыкли думать, что душа – это фантом, в лучшем случае – некая запрограммированная субстанция. Законы Субботы стремятся приблизить тело и разум к святости. Они учат нас, что человек взаимодействует не только с природой, но и с Творцом природы.

Что же такое Шаббат? Это дух в форме времени. Наши тела принадлежат пространству, а наш дух, наши души тянутся к вечности, жаждут святости. Шаббат – это восхождение на вершину. Он дает нам возможность освящать время, возвышать добро до уровня святости, воспринимать святость путем отказа от будничного.

Дух в форме времени, вечности – это абсурд для тех, кто представляет дух как идею, зарождающуюся в человеческом разуме, а Б-га считает вещью среди вещей. Только видя в Б-ге величину, по крайней мере, столь

же масштабную, что и вселенная, и признав, что дух – это бесконечный процесс, в котором мы занимаем скромное место, можно понять и ощутить раскрытие духа в определенные моменты времени. Невозможно осознать присутствие вечности в одном-единственном мгновении, не оценив по достоинству грандиозность самого времени. Надо жить и вести себя так, будто судьба всего времени находится во власти одного-единственного мгновения.

Мы привыкли думать, что Земля – это наша мать, что время – деньги, а прибыль – наш лучший друг. Но Седьмой день дает иную схему: Б-г - наш отец, время – это жизнь, а наш лучший друг – дух, духовность.

Есть мир вещей и мир духа. Шаббат – это микрокосм духа, как бы вобравший в себя все элементы макрокосма духа.

Подобно тому, как физический мир не обязан человеку своим существованием – он просто существует, точно так же дух не является порождением человеческого разума. Шаббат свят не по милости человека. Не человек, а Б-г освятил Седьмой день.

Мир был создан за шесть дней Творения, но его выживание зависит от святости Седьмого дня. Велики и грандиозны законы, управляющие природными процессами. Однако без святости не было бы ни величия, ни природы.

Примечания.

1) В книге "Vita Adae et Evae" ("Жизнь Адама и Евы") сказано: "Седьмой день – это знак воскрешения и Мира грядущего", поэтому не должно быть скорби в этот день;

2) В Шаббат, по окончании благословения после еды мы читаем такую молитву: "Пусть Милосердный даст нам в наследие день, который будет целиком Субботним и упокоит нас в жизни вечной". Просьба о вечной жизни не высказывается в будничных молитвах (см. "Кузари", часть III, гл.20). Однако в главной субботней молитве ("амида"), которая произносится четыре раза в этот день, мы читаем такую фразу: "Г-сподь, Б-г наш, дай нам унаследовать Твой святой Шаббат". Возможно, речь идет здесь о Шаббате как синониме Грядущей жизни, ибо земной Шаббат уже и так принадлежит нам.

ГЛАВА 9. СВЯТОСТЬ ВРЕМЕНИ

Святость в пространстве, в природе была известна многим религиям. Новаторство иудаизма заключалось в том, что он постепенно переместил концепцию святости из пространства во время, из сферы природы в сферу истории, из мира вещей в мир событий. Физический мир лишился своей изначальной мантии святости.(1) Иудаизм не признает никаких священных растений и животных. Согласно его доктрине, физический предмет может быть освящен лишь сознательным действием человека. Само качество святости зависит не от свойства и структуры материи. Речь идет об особой ценности, приобретаемой вещами путем их сознательного освящения и приближения к Б-гу.

В пророческом мышлении превалирует фактор времени. "День Г-спода" важнее для пророков, чем "Дом Г-спода".

Человечество разделено на множество народов и государств. Эта раздробленность будет ликвидирована моментом времени – в конце дней, когда наступит мессианская эпоха. Именно этот момент вернет людям то, что отняла у них вещь в пространстве – Вавилонская башня. Видение мессианского конца дней даст надежду на восстановление первоначального единства всех людей.

В Десяти заповедях нет упоминания святых мест. Наоборот, именно после событий у горы Синай Моше услышал слова Творца:

"Во всяком месте, где Я разрешу упоминать Имя Мое, Я приду к тебе и благословлю тебя" (Шмот 20:21).

Именно благодаря тому, что святость в иудаизме не привязана к определенному месту, возникли синагоги. Храм находился только в Иерусалиме, а синагоги были везде, где жили евреи: в каждом городе, в каждом местечке. Для молитвы установлены строго фиксированные периоды времени, но нет фиксированных мест.

В Торе ни одна вещь, ни одна географическая точка не святы сами по себе. Даже то единственное место на Земле обетованной, где предстояло построить Святилище, ни разу не называется святым в Пятикнижии; во времена Моше-рабейну оно никак не было выделено. Более двадцати раз Тора называет его "местом, которое изберет Г-сподь, Б-г ваш" (см. Дварим, 20:5 и др.).

Для многих поколений это место оставалось неизвестным. Но царь Давид преисполнился желанием построить там храм Всевышнему: "И было, когда жил царь в доме своем и Г-сподь дал ему покой от всех окрестных врагов его, тогда сказал царь пророку Натану: "Смотри, я живу в доме из кедрового дерева, а ковчег Б-га пребывает под завесами шатра" (II Книга Шмуэля, 7:1,2).

Инициатива Давида была воспета псалмопевцем:

"Вспомни, Г-сподь, во благо Давиду
Все страдания его;
Как клялся он Г-споду,
Давал обет Владыке Яакова:
"Не войду я
В шатер дома моего,
Не поднимусь на постель ложа моего;
Не дам сна глазам своим
И векам своим – дремоты,
Пока не найду места Г-споду,
Обители Владыки Яакова..." (Теиллим, 132:1-5).

В ответ на эту молитву Давиду было сообщено точное место, где должен стоять Храм:

"Ибо избрал Г-сподь Сион,
Возжелал его в обитель Себе:
"Вот место покоя Моего вовеки,
Здесь обитать буду,
Потому что Я возжелал его" (Теиллим, 132:13,14).

Это место было выбрано не потому, что оно обладало какими-то сверхъестественными свойствами или уникальной почвенной структурой, а лишь потому, что человек молился о нем, и Б-г возжелал его".(2)

Храм стал священным местом, но эта святость не была изначальной. Ее "назначили", "учредили", однако парадокс святости в пространстве продолжал беспокоить пророков.

Благочестивые из народа Израиля пели в одном из псалмов:

"Войдем в обитель Его;
Поклонимся подножию ног Его" (Теиллим, 132:7).

Но пророк возгласил:

"Так сказал Г-сподь:
Небо – престол Мой,
А Земля – подножие ног Моих.
Что это за дом, который вы построите Мне?
И где место покоя Моего?" (Ишаягу, 66:1,2).

Но если Б-г вездесущ, значит Он находится в любом месте. Если Б-г создал все вещи, как может человек создать что-то для Него? В субботней молитве мы читаем:

"Слава Его наполняет вселенную.
И ангелы спрашивают друг друга:
Где место Славы Его?"

Древние мудрецы различали три вида святости: святость Имени Всевышнего, святость Шаббата и святость Израиля. Святость Шаббата предшествует святости Израиля.(3) Святость Святой земли проистекает из святости народа Израиля. Эта земля не была святой во времена Тераха и даже в эпоху патриархов.

Она была освящена еврейским народом, когда он вступил в нее, ведомый Иегошуа бен-Нуном. Земля была освящена народом, а Шаббат был освящен Б-гом. Однако святость Шаббата не тождественна святости праздников. Святость праздников зависит от действий человека. В эпоху Храма именно человек устанавливал календарь, определяя, на какой день недели выпадет праздник. Если начало нового месяца не было своевременно установлено, евреи не могли праздновать Песах. Иное дело – Шаббат. Даже когда люди забывали о Шаббате, это никак не отражалось на его святости.(4)
Несмотря на упомянутые различия, все упомянутые виды святости таинственным образом переплетены между собой.(5)

Святость времени наиболее ярко выражена в праздновании Шаббата. Для соблюдения Седьмого дня не требуются никакие ритуальные предметы. Тем он отличается от большинства еврейских праздников, в которых материальная символика играет важную роль, например, маца – в Песах, шофар – в Рош а-Шана, лулав и этрог – в Суккот.(6)

Когда наступает субботний день, мы откладываем в сторону наш символ Завета – филактерии, тфиллин, которыми пользуемся всю остальную неделю. В Шаббат любые символы излишни; он сам является символом.

"Шаббат насквозь пропитан святостью", – сказано в сборнике мидрашей "Ваикра рабба". Ему не требуются никакие специальные атрибуты, кроме души, впитывающей в себя дополнительную духовность. Ибо Шаббат "хранит все души". Он сам и есть мир душ – духовность в форме времени. Согласно единому мнению мудрецов, зафиксированному в Талмуде, первый праздник Шавуот, в который была дарована Тора, выпал на Шаббат. Ничего удивительного в этом нет: только в такой святой день человек мог получить Б-жественный Закон.

Каждый седьмой день происходит чудо – воскрешение души, души человека и души всякой вещи. Один мудрец сказал: "Мир, созданный за шесть дней, был лишен души. Лишь в седьмой день он получил душу. Поэтому сказано: "А в седьмой день он отдыхал – "ваинафаш" (Шмот, 31:17). "Ваинафаш" образовано от "нефеш", что в переводе с иврита означает "душа".

Примечания.

1) В 1947 году в Тель-Авиве вышла в свет книга под названием "Святая весна" ("хе-авив ха-кадош"). Такое словосочетание – вопиющий духовный анахронизм;

2) Более поздние авторитеты утверждали, что на месте, где воздвигли Храм, произошло несколько важных событий еврейской истории (см. Рамбам, "Мишне Тора"), однако в самом тексте Торы нет указаний на эти события;

3) Вот почему в праздники мы завершаем благословение после чтения Афторы словами "Тот, Кто освящает Израиль и времена (для праздников)", а в Шаббат после Афторы говорят: "Тот, Кто освящает Шаббат". Ибо "Шаббат предшествовал Израилю"; он возник в процессе создания вселенной;

4) "И объявил Моше о праздниках Б-га сынам Израиля" (Ваикра 23:44). В талмудическом трактате "Недарим" сказано: "Только праздникам требуется освящение бейт-дином (раввинскими судами, которые должны объявлять, какой день считать новолунием при появлении на небе молодой луны; именно так определяют день, в который должен отмечаться праздник); для Шаббата такое освящение не предусмотрено";

5) В мидраше сказано: "Святость Б-га, святость Шаббата, святость Израиля, – все это едино". Святость субботнего дня была столь наглядной, что для несоблюдающих его законы в Торе был лишь один термин "илель". Слово "илель" означает загрязнять, осквернять святое;

6) Ритуальным называется такой предмет, который нельзя использовать ни для каких иных целей, кроме самого ритуала. Вино и хлеб, над которыми произносят формулу освящения дня, не обладают ни святостью, ни ритуальной ценностью.

ГЛАВА 10. И ВОЗЖЕЛАЕШЬ ТЫ...

Святость избранного дня – это не картина, которой любуются с почтительного расстояния. Эта святость не далека от нас. Она дана нам. "И будете вы хранить Шаббат, потому что он – святыня для вас" (Шмот 31:14). Сказано также, что "Шаббат добавляет святости Израилю".

Шаббат дарует человеку нечто реальное, открытое для восприятия. Это свет, который сияет изнутри, согревая наши души. "И благословил Б-г день седьмой" ("Берешит" 2:3). В книге мидрашей "Берешит рабба" приведены слова рабби Шимона бен Йохая: "Он благословил его светом на лице человека: ибо в будние дни наши лица светятся не так, как в Шаббат".

С человеком действительно происходит что-то особенное в Субботний день. Говорил рабби Шимон бен Лакиш: "Перед Шаббатом Г-сподь дает нам "нешама йетера", а когда Шаббат кончается, забирает ее".(1)

"Нешама йетера" – это дополнительный дух или, как часто переводят это словосочетание, дополнительная душа. Попытаемся точнее определить его значение.

Некоторые мыслители считают, что "нешама йетера" представляет собой образное выражение, означающее более высокий уровень духовности, чувство легкости и комфорта.(2) Другие полагают, что в седьмой день человек действительно получает вторую душу, что в него как будто вселяется некая духовная субстанция. "В этот день человеку дается дополнительная, внеземная душа, – говорится в книге "Зоар", – абсолютно совершенная, по образцу Мира грядущего". Как будто "дух святости опускается на человека и украшает его короной, наподобие короны ангелов"; каждый человек получает свою корону – по его личным достоинствам".(3) Именно ради духовной цели, продолжает "Зоар", внеземные души покидают свою небесную обитель и вселяются на один день в смертных людей. На исходе каждого Шаббата эти души возвращаются на небеса, собираются перед Святым Царем, и Он спрашивает их: "Какую новую мудрость Торы вы постигли, находясь в нижнем мире?" Счастлива та душа, которая может рассказать в присутствии Б-га о духовных достижениях человека, которого она посетила в седьмой день. И наоборот, как неловко чувствует себя та душа, которая, находясь перед Б-гом, понуро молчит, ибо ей нечего рассказать.

Традиция утверждает, что свет, созданный в самом начале Творения, отличался от света Солнца, Луны и звезд. Свет первого дня был таким мощным, что человек мог при нем охватить одним взглядом весь мир от края до края. Но поскольку человек оказался недостойн блаженствовать в этом свете, Б-г скрыл его. Однако в Мире грядущем он вновь откроется праведникам во всем своем первоизданном величии. Частички этого света и сегодня посещают праведных людей, творящих добрые дела. Это происходит в седьмой день; отблески того великого света и называются дополнительной душой.(4)

Рабби Лев из Праги (умер в 1609 году) получил прозвище "Высокий рабби Лев", потому что в Шаббат он выглядел на целую голову выше, чем в другие шесть дней недели.(5)

Рассказывают также, что всякий, кто смотрел в Шаббат на рабби Хаима из Черновиц (умер в 1813 году), замечал розу на его щеке. Тот же рабби Хаим писал: "Мы видели своими глазами те грандиозные изменения, которые святость Шаббата вносит в жизнь праведника. Святость полыхает в его сердце как языки пламени; его охватывает состояние экстаза и страстное желание служить Б-гу...ночью и днем"...Едва он завершил подготовку к встрече Субботы, как "его лицо освещается блеском субботней святости. Этот внутренний свет столь ярок, что невольно стараешься не подходить к нему слишком близко".

Но такое восторженно-трепетное ощущение Шаббата не может возникать в вакууме. Шаббат – не одинокий путник среди унылых будней. Он нуждается в компании других дней недели. Все они должны духовно гармонировать с Главным днем. Жизнь – это непрерывное паломничество в День седьмой. Таков идеал. В наших мыслях должны всегда присутствовать любовь и стремление к Шаббату. Он призван занимать центральное место в наших ощущениях, переживаниях и надеждах. Он – мелодия, заглушающая все тревоги и проблемы, которые одолевают наш разум. Он – свидетельство присутствия Б-га в этом мире.

Наше духовное состояние прямо зависит от нашего отношения к Шаббату. Законы Субботнего дня занимают то же место в мире духовности, что и закон земного притяжения в природе.

Человеку труднее всего преодолеть собственное подсознательное стремление быть рабом своей приземленной мелочности. Поэтому каждый из нас должен отважно вести неустанную и скрытую борьбу ради обретения внутренней свободы. Это ощущение внутренней свободы доступно лишь тому, кто не поддается диктату вещей и окружающих людей. Многим удастся достигнуть высокой степени политической и общественной свободы, но мало кто умеет противостоять соблазнам материализма. Эта проблема постоянно преследует нас: как жить среди людей и оставаться свободным? Как жить в мире вещей и быть независимым от них?

В тот великий момент, когда бывшие рабы, сыны Израиля, еще ощущали пьянящий вкус Б-жественного спасения, им были даны Десять речений, Десять заповедей. В начале и конце этого Десятисловия говорится о свободе человека. Первое речение – "Я – Г-сподь, Б-г ваш, Который вывел вас из страны Египетской, из дома рабства, – напоминает еврею, что внешняя свобода была дарована ему Творцом, а десятая заповедь – "Не возжелай..." – напоминает ему, что он должен сам достигнуть внутренней свободы.

Сегодня, желая выделить какое-то слово, мы подчеркиваем его или печатаем курсивом. В древние времена нужное слово выделяли прямым повтором, удвоением.(6) Например, в Торе говорится: "К правде, к правде стремись" (Дварим, 16:20); "Утешайте, утешайте народ Мой" (Ишаягу, 40:1). Между тем, из всех Десяти заповедей только одна провозглашается дважды – последняя, десятая: "Не возжелай...не возжелай...". Ясно, что это повторение означает исключительную важность заповеди. Б-г повелевает человеку "не возжелать дома ближнего своего, жены ближнего своего, ни раба его, ни рабыни его, ни быка его, ни осла его, и ничего, что у ближнего твоего".

Мы знаем, что страстное желание нельзя подавить никакими приказами и постановлениями. Поэтому десятая заповедь могла бы показаться нереальной, если бы не указание относительно Субботного дня, которому посвящена целая треть в тексте Десятисловия, и в которой нашли свое отражение все другие заповеди. Надо лишь нащупать связь, некий баланс между этими двумя заповедями. "Не желайте ничего, что принадлежит вашему ближнему, – говорит Б-г, – ибо Я дал вам нечто такое, что принадлежит Мне". Что же это за сокровище? – Седьмой день недели!

В иудаизме жизнь видится непрерывным паломничеством к седьмому дню. Всю неделю мы тянемся к Шаббату, с нетерпением ждем его прихода. В этой тяге отражено наше подспудное стремление к вечному Шаббату во все дни нашей жизни.(7) "Возжелание" материальных объектов, существующих в пространстве, заменяется "возжеланием" объектов времени. Иначе говоря, Десять речений учат нас желать Субботу в течение всей недели.

Сам Б-г желал этот день; Он назвал его "хемдат ямим", "вожделенным днем"(8). Получается, что высказанная вслух заповедь – "Не возжелай вещей в пространстве" – уравнивается заповедью невысказанной: "Возжелай то, что существует во времени".

Примечания.

- 1) Автор этого изречения рабби Шимон бен Лакиш жил в третьем веке н.э.;
- 2) Раши, известнейший толкователь Торы, живший в XI веке, дает психологическое объяснение этому явлению. По его мнению, речь идет о "повышенной восприимчивости души к покою, радости; это особое удовольствие от еды и полное отсутствие какого бы то ни было отвращения". Более метафизическую трактовку предлагает Ибн-Эзра, современник Раши. Он утверждает, что в седьмой день происходит заметное усиление интеллектуальных способностей души. Похожее мнение высказывает и рабби Менахем Меири в "Книге покаяния". Даже великий мистик Рамбан (Нахманид) не принимает буквального толкования "дополнительной души" (см. его комментарий на стих 2:2 в "Берешит"). На тех же позициях стоит и рабби Менаше бен Исраэль, "Нишмат хаим", живший в Амстердаме в XVII веке. Известный комментатор Торы, врач и автор философских трудов рабби Овадья Сфорно (1475-1550 г.г.) охарактеризовал "дополнительную душу" как особую способность человека достигать того уровня, о котором Творец говорил в книге "Берешит": "Давайте сделаем человека по нашему образу и нашему подобию";
- 3) Из книги "Зоар". Рабби Цдакия бен Авраам-Анан, живший в Риме в XIII веке, сказал: "В Шаббат у человека две души". В "Сефер маасе" приведено такое мнение: "Человек имеет в Шаббат на одну душу больше, чем в будние дни, и это видно хотя бы по тому факту, что в Шаббат мы беззаботнее, чем в любой другой день";
- 4) Таково мнение рабби Аарона-Шмуэля бен Моше-Шалома из Кремница (умер в 1616 году);
- 5) Такую же историю рассказывают и о рабби Иегошуа Горовице (см. предисловие к книге "Незир а-Шем");
- 6) Прямой повтор используется сегодня в риторике, например: "Он выразил новую идею – идею огромной важности";
- 7) Восприимчивость к духу Шаббата не ограничивается одним только седьмым днем недели. Десять заповедей были даны в двух вариантах: одна изложена в книге "Шмот", а другая – в книге "Дварим". В первом

варианте заповедь соблюдения Субботы начинается со слов: "Помни (захор) день седьмой", а во втором – "Храни (шамор) день седьмой". Один мудрец средневековья сказал: "Помни Шаббат всегда, жди его прихода ("шмор" означает также ждать с нетерпением)...

Жди, страстно желай его, как страстно желаешь встречи с человеком, которого любишь" (Аль Накава, "Менорат а-маор");

8) В субботней молитве мы говорим: "Ты был рад седьмому дню, и ты освятил его, назвал его самым желанным из дней". Где Тора называет Шаббат "самым желанным из дней"? В книге "Берешит" (2:2). Обычный перевод этого стиха: "И завершил Б-г в день седьмой". Но в древнеарамейском варианте эта фраза звучит иначе: "И возжелал Б-г день седьмой".

ЭПИЛОГ

ОСВЯЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Язычники представляют Б-га в физических образах или ассоциируют Его с природными явлениями, объектами пространства. В Десяти заповедях Творец вселенной определил Себя по историческому событию, событию, произошедшему во времени – освобождению еврейского народа из египетского рабства, и Он предостерег нас: "Не делай себе изваяния и всякого изображения того, что в небе наверху, и того, что на земле внизу, и того, что в воде ниже земли" (Шмот, 20:4).

Самая бесценная вещь, когда-либо существовавшая на земле – это две каменные скрижали, которые Моше получил на горе Синай; они несравненно дороже любой другой реликвии. Чтобы получить скрижали, Моше поднялся на гору, находился там сорок дней и сорок ночей, не ел хлеба и не пил воды. В конце этого срока Г-сподь вручил ему две скрижали, вытесанные из камня, с начертанным на них текстом Десяти заповедей, словами, которые Он говорил сынам Израиля с горы Синай, из огненного пространства.

Но в конце сорока дней и сорока ночей, когда Моше спустился с горы, держа в руках две бесценные скрижали, он увидел, как евреи исступленно пляшут вокруг Золотого тельца. И тогда он в отчаянии выпустил из рук скрижали, и они разбились на его глазах.

В Египте о каждом значительном культовом объекте говорили, что именно здесь, в этом месте был создан мир. Иудаизм придерживается другой концепции. Книга "Берешит" сообщает нам не о месте, а о днях творения.(1) В отличие от языческих мифотворцев, которые вообще не упоминают времени творения, Тора говорит о творении пространства во времени.

Каждому ясно, что знаменитый Большой Каньон на западе Соединенных Штатов производит гораздо более сильное впечатление, чем простая канава. Всем видна разница между червяком и орлом. Но кто из нас умеет так же четко различать звенья времени? Немецкий историк Леопольд фон Ранке, живший в XIX веке, утверждал, что каждая эпоха равно близка к Б-гу.

Однако еврейская традиция создала иерархию моментов внутри времени; она считает, что эпохи неодинаковы. Молиться Б-гу мы можем в любом месте, но Он по-разному разговаривал с нами в разные эпохи. Например, в какой-то момент истории дух пророчества покинул народ Израиля.

Время для нас часто становится средством измерения, а не средой нашего обитания. Это последнее его качество мы начинаем осознавать, когда сравниваем два события и замечаем, что одно из них произошло позже другого; когда, слушая мелодию, мы понимаем, что ноты следуют друг за другом в определенной последовательности. В восприятии времени главное – это уметь различать между "раньше" и "позже".

Но можно ли считать время всего лишь средой взаимодействия событий? Неужели настоящее лишается всякого значения, если оно не связано с прошлым? И еще один важный вопрос: Знаем ли мы только то, что происходит "внутри" времени? Существуют ли для нас лишь те события, которые влияют на вещи в пространстве?

А если ничто из этого не имеет отношения к миру пространства, значит ли это, что время не существует?

Чтобы понять высшее значение времени, необходимо особое сознание. Мы все живем во времени и порой так тесно сливаемся с ним, что перестаем его замечать. Наше существование окружено миром пространства. Но это лишь часть нашей жизни; все остальное - время. Материальные предметы – это берег; но мы движемся во времени.

Существование нельзя объяснить в рамках пространства – только время дает ключ к его пониманию. Закрывая глаза в минуты напряженных размышлений, мы способны ощутить время за рамками пространства. Но пространство без времени – вещь немислимая.

С точки зрения духовности, пространство представляет собой застывшее время, и все, что там происходит, – застывшие события.

Время можно оценивать с двух позиций: с точки зрения пространства и с точки зрения духа. Когда мы смотрим в вагонное окно скорого поезда, нам кажется, что мы стоим на месте и мимо нас пронесется окружающий ландшафт. Точно так же, когда мы смотрим на реальность, увлеченные пространственными вещами, время воспринимается нами в непрерывном движении. Но когда мы вдруг понимаем, что движутся именно вещи, нам становится ясно, что время не убывает, а мир пространства несетя, гремя колесами, через бескрайние просторы времени. Поэтому понятие временности, бренности можно определить как отношение пространства ко времени.

Та безграничная, но пустая среда, которую мы привычно называем временем, не является высшей формой реальности. Наш мир – это мир пространства, движущийся сквозь время – от Начала до Конца дней.

Для заурядного мышления сущность времени эфемерна, недолговечна. Но в действительности эта мимолетность приходит нам на ум, когда мы размышляем над пространственными вещами. Именно мир вещей дает нам ощущение эфемерности. Время же находится вне пространства и не зависит от него и потому оно – вечно; бренность присуща не времени, а миру пространства. Материя исчезает во времени; само время не меняется. Уместно говорить не о течении времени, а о течении пространства через время. Умирает не время; умирает во времени человеческое тело. Временность присуща миру пространства и находящимся в нем предметам и явлениям. Но время существует вне пространства, и оно представляет собой нечто большее, чем прошлое, настоящее и будущее.

Каменные предметы обречены на исчезновение; дни, наполненные духовностью, не умирают. В книге "Шмот", в разделе, посвященном дарованию Торы, мы читаем: "На третий месяц по выходе сынов Израиля из страны Египетской, в этот день, пришли они в пустыню Синай"(19:1). Комментаторов давно занимает вопрос: что значит "в этот день"? Ведь логичнее звучит: "в тот день". Слово "этот" означает, что день дарования Торы не остался и никогда не останется в прошлом. Он навечно стал "этим днем", каждым днем. Изучая Тору, мы как будто заново получаем ее от Всевышнего – сегодня, сейчас. То же самое относится к дню Исхода из Египта, как сказано в мишне "Песахим": "В каждом поколении должен человек видеть себя, как будто он сам выходит из Египта".

Ценность великого дня не ограничена тем пространством, которое он занимает в календаре. Рабби Акива однажды воскликнул: "Все время, все эпохи не достойны того дня, в который "Песнь песней" была дарована Израилю, ибо все песни святы, но "Песнь песней" – святейшая из святых".

В сфере духа нет разницы между секундой и веком, между часом и эпохой. Рабби Иегуда сказал: "Некоторые добиваются вечности всю свою жизнь, а некоторые получают ее за час". Один хороший час бывает равнозначен целой жизни. Мгновение "тшувы", возвращения к Б-гу, может восстановить то, что было утрачено за годы бегства от Него. Мудрецы говорили: "Лучше один час раскаяния и добрых дел в этом мире, чем целая жизнь в Мире грядущем" (трактат "Авот",4:17).

Техническая цивилизация, как уже говорилось, символизирует победу человека над пространством. Но время остается непокоренным. Мы умеем быстро преодолевать огромные расстояния, но не способны вернуть прошлое и пробыться в будущее. Человек встал над пространством, но время стоит над человеком.

Покорение времени – величайшая задача человека. Мы все проходим через его бесконечные коридоры, но не можем нигде закрепиться, создать плацдарм. Реальность времени существует отдельно от нас и помимо нас. Пространство открыто для наших усилий; мы умеем создавать и менять пространственные объекты по своей воле. Но время остается вне нашей досягаемости, вне нашей власти. Оно одновременно близко и далеко; оно проникает в ткань всех событий и процессов, но при этом трансцендентально по отношению к ним. Время целиком во власти Б-га.

Поэтому время – это запредельное измерение, таинство, парящее над всеми иными категориями бытия. Кажется, что целые миры отделяют время от разума. Но только во времени возможно взаимодействие и единство всех пространственных объектов и существ.

Каждый человек занимает определенное место в пространстве. Это место принадлежит только ему. Та частичка пространства, которую заполняет мое тело, – она моя и больше ничья. Но никто не владеет временем. Я не могу монополично владеть хотя бы одним мгновением. Потому что это мгновение принадлежит в равной степени мне и всем другим людям, живущим в этот отрезок времени. Мы делимся временем с другими и монополизируем пространство. Будучи собственником пространства, я становлюсь соперником других людей; но живя во времени, я приобретаю статус их современника. Мы идем через время, и мы занимаем пространство. Легко впасть в иллюзию, что мир пространства существует ради тебя – во имя и для блага человека. Но в отношении времени эта иллюзия не действует.

Между Б-гом и вещью непостижимо гигантское расстояние. Ибо вещь наделена отдельным, индивидуальным существованием и тем отличается от совокупности всего сущего. Видеть вещь означает видеть нечто отделенное, изолированное. Кроме того, вещь может принадлежать человеку. Время ни на секунду не поддается такой изоляции. Время – это либо все, либо ничего. Оно может делиться только в нашем сознании. Но оно остается вне нашей досягаемости. Оно – почти свято.

Легко не заметить зрелище вечного времени, легко пройти мимо него. Из книги "Шмот" мы узнаем, что первое видение открылось Моше "в языке пламени, из куста ежевики: и увидел Моше: вот куст ежевики пылает огнем, но не сгорает" (3:2). Время подобно этому вечно горящему кусту. Хотя каждое мгновение рождается и тут же умирает, уступая место следующему мгновению, само время не "сгорает", не исчезает, а сохраняется во всей своей полноте.

Время обладает независимым первичным значением; в нем больше величия, чем даже в звездном небе, оно глубже потрясает, внушает более сильное чувство благоговения. Мягко скользя в этом древнейшем нематериальном измерении, мы узнаем гораздо больше о вечности, чем находясь в пространстве, говорящем с нами на ломаном языке физических предметов и явлений. Время играет симфонии, превращая в свои инструменты изолированные друг от друга предметы; оно открывает нам тайны земли и вводит в ее кладовые.

Время – это процесс творения, а вещи в пространстве – результат творения. Глядя в пространство, мы видим продукты творения; интуитивно следуя за временем, мы ощущаем сам ход творения. Пространственные вещи демонстрируют нам свою обманчивую независимость. Они гордо показывают внешний лоск своих ограниченных возможностей. Сотворенные вещи скрывают Творца. Встретить Б-га можно только во времени; именно там, в этом нематериальном измерении, человек убеждается, что каждое мгновение представляет собой акт творения, Начало, открывающее новые пути к высшему раскрытию. Время – это присутствие Б-га в мире пространства; именно в рамках времени мы способны ощутить единство всех вещей.

Мудрецы учат, что творение не было отдельным актом, происшедшим в седой древности, раз и навсегда. Создание мира – это непрерывный процесс.(2) Б-г призвал мир к существованию, и этот призыв продолжает звучать и поныне. Каждый "настоящий" момент существует лишь благодаря существованию Самого Б-га. Акт творения совершается в каждое отдельно взятое мгновение. Мгновение не является завершением, оно – вспышка, сигнал к Началу. Время постоянно обновляется; оно – синоним непрерывности творения. Время – это Б-жественный дар миру пространства.

Мир без времени был бы миром без Б-га, миром, который существует для себя и сам по себе, без обновления, без Творца. Мир, лишенный времени, был бы оторван от Б-га – вещь в себе, реальность без реализации. Мир, существующий во времени, всегда рядом с Б-гом; он воплощает собой бесконечно грандиозный замысел; не вещь в себе, а подлинное творение Б-жественного разума.

Наблюдая за вечным чудом рождения мира, мы чувствуем присутствие Дарителя в Его дарах, понимаем, что источник времени скрыт в самой вечности, что таинство бытия – это вечность во времени.

Мы не можем решить проблему времени путем завоевания пространства, построив пирамиды или добившись славы. Решить эту проблему можно только с помощью освящения времени. Для одинокого человека время неуловимо; но для человека, живущего с Б-гом, время – это маска вечности.

Творение – язык Б-га; Время – Его песнь, а вещи в пространстве – согласные звуки в этой песне. Чтобы освящать время, надо петь гласные звуки в унисон с Творцом.

Такова задача человека: завоевывать пространство и освящать время.

Мы должны овладеть пространством ради освящения времени. Всю неделю мы вносим святость в жизнь, пользуясь материальными предметами, существующими в пространстве. Но в Шаббат нам дана возможность ощутить святость, заключенную во времени. Даже если душа увяла, даже если наши уста плотно сомкнуты и

не могут произнести молитву, в Шаббат все меняется: его чистая тишина и покой ведут нас в царство безбрежного мира, абсолютной гармонии, и лишь тогда мы начинаем понимать, каков истинный смысл вечности.

В мире идей мало что может сравниться с идеей Шаббата по своему духовному заряду. Пройдут эпохи, исчезнут многие теории и идеологии, но Шаббат будет и дальше сиять своим неземным светом. Вечность дарует день.

Примечания.

1) Легенда о камне "эвен штия" – постбиблейского происхождения. В талмудической литературе Б-г называется иногда "маком", "место", но этот термин ни в коей мере не свидетельствует, что пространство можно обожествить. Наоборот, пространство целиком подчинено Б-жественному началу. Пространство – не вершина; выше него всегда стоит Б-г;

2) В будничной утренней молитве мы говорим: "Г-сподь чудес, в благи Своей возобновляющий чудо творения – каждый день, непрерывно". Сохранение мира и законов, обеспечивающих сохранение мира, целиком зависит от Творца. "Ты, Г-сподь, един. Ты сотворил небеса, небеса небес и все воинство их, землю и все, что на ней, моря и все, что в них, и Ты (непрерывно) даешь им всем жизнь" (Нехемия,9:6). "Как многообразны творения Твои, Г-сподь...Все они надеются на Тебя, что дашь им пищу во время свое...Скроешь лицо Свое – исчезнут...Пошлешь дух Твой – созидаются они" (Теиллим, 104:24,27,29,30). При виде необычных природных явлений, мы произносим благословение: "Благословен Ты, Г-сподь...создающий чудеса творения". Тема непрерывности творения бурно обсуждалась еще в древности. Школа Шамая требовала, чтобы благословение на свечу, огонь которой отделяет Субботу от будней во время церемонии "авдала", читалось в форме прошедшего времени: "Благословен Ты, Г-сподь ...сотворивший свет огня"; а по мнению школы Гиллея, надо говорить в настоящем времени: "Благословен Ты, Г-сподь...творящий свет огня".